

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія
библіотеки городскихъ училищъ.

Годъ изданія шестой.

АПРѢЛЬ.

№ 12.

1913.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

НА КОРАВЛИКЪ.
ЧЕРЕМУХИ ЦВѢТУТЪ (стих.).
ДВѢ СИРОТКИ (повѣсть).
ВЕСНА (стих.).
РАЗСКАЗЪ МУРАВЬЯ.
ГОЛОВОЛОМКИ.
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

№ 12. Апрель, 1913.

Годъ изданія VI-й.

Два раза въ мѣсяцъ.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Ранняя весна.

НА КОРАБЛИКЪ.

Гриша только что оправился отъ тяжелой, изнурительной болѣзни и только недавно сталъ выходить на воздухъ. Его еще лихорадило и каждый вечеръ у него повышалась температура, но болѣзнь уже миновала и это уже не пугало ни его, ни Людмилу Ивановну, которая приютила его и у которой онъ жилъ, какъ родной. Всегда робкій, тихій, онъ держался въ сторонѣ отъ шумныхъ, бойкихъ товарищей, завидовалъ имъ, что они умѣли лазать по деревьямъ и карабкаться на заборы, и втайнѣ боялся ихъ, хотя они никогда его не обижали. Всякій громкій крикъ или шумъ заставлялъ его вздрагивать, онъ любилъ тишину и могъ цѣлые часы просиживать одинъ и думать о томъ, что казалось-бы скучнымъ его сверстникамъ.

При домѣ былъ садикъ. Людмила Иванова посадила въ немъ много цвѣтовъ и любимымъ удовольствіемъ Гриши было сидѣть въ этомъ садикѣ или поливать цвѣты. Сначала Людмила Ивановна не позволяла ему прикасаться къ цвѣтамъ, но, убѣдившись, что онъ не похожъ на своихъ сверстниковъ, разрѣшила ему помогать ей и съ этой минуты Гриша сталъ проводить все свое время около грядокъ и помо-

гать своей приемной матери. Болѣзнь надолго удержала его въ постели, но теперь онъ поправился и выздоровѣлъ какъ разъ къ тому времени, когда всѣ деревья были уже въ цвѣту.

Стояла весна. Пасха была поздняя и было уже совсѣмъ тепло, когда наступила страстная недѣля. Гриша не говѣлъ. Продолжавшееся по вечерамъ повышение температуры помѣшало ему ходить въ церковь и онъ сидѣлъ на деревянномъ ящикѣ между яблоней и кустомъ сирени, весь осыпанный бѣлыми, легкими лепестками, и мечталъ о томъ, какъ онъ пойдетъ къ пасхальной заутрени.

— Пойдемъ пускать кораблики! вдругъ крикнулъ ему кто-то съ улицы.

Гриша поднялъ голову и сквозь рѣшетку палисадника увидалъ нѣсколькихъ своихъ школьныхъ товарищей. У cadaго изъ нихъ было въ рукѣ по грубо-сдѣланному кораблику. Только у одного изъ нихъ, у Коли Дроздова, былъ корабликъ не самодѣльный, а купленный въ магазинѣ. Онъ былъ выкрашенъ въ яркіе цвѣта, имѣлъ мачты и паруса и отъ него вкусно пахло свѣжимъ лакомъ.

Гриша обрадовался. Онъ весь покраснѣлъ отъ удовольствія и

побѣжалъ спроситься у Людмилы Ивановны.

— Я сейчасъ, сейчасъ!.. заговорилъ онъ.—Только пойду, спросу!

Мальчики гурьбой отправились далѣе.

— Догоняй насъ! крикнули они ему.—Мы идемъ къ рѣкѣ!

Гриша вошелъ въ домъ. Людмила Ивановна сидѣла у окна и читала только что полученное съ почты письмо.

— Позвольте мнѣ пойти съ товарищами къ рѣкѣ... робко спросился у нея Гриша.

Она подняла на него глаза.

— Зачѣмъ? спросила она.

— Пускать корабликъ..., такъ-же робко отвѣтилъ онъ.

— Гдѣ-же ты его возьмешь?.. Вѣдь у тебя-же нѣтъ корабля!

Гриша печально посмотрѣлъ на свои руки. Онъ дѣйствительно не подумалъ о корабликѣ. Какъ-же такъ? Всѣ придуть со своими лодочками, а у него одного не будетъ ничего. Но вдругъ ему пришла въ голову мысль, что вѣдь можно сдѣлать корабликъ и изъ бумаги и онъ тоже будетъ плавать по водѣ. И, улыбнувшись во все лицо, онъ весело отвѣтилъ:—

— Я... я сдѣлаю изъ бумаги...

— Ну, иди! согласилась Людмила Ивановна и снова принялась за чтеніе письма.—Только смотри, вернись пораньше! Не простудись!

Гриша вырвалъ изъ тетрадки

четвертушку бумаги и, сѣвши въ уголокъ, сталъ свертывать изъ нея корабликъ.

— Сказать тебѣ новость? вдругъ обратилась къ нему Людмила Ивановна, окончивъ чтеніе письма и складывая очки.—Ко мнѣ приѣдетъ въ пятницу моя племянница изъ Москвы. Она такая-же бездомная сирота, какъ и ты. Только ты мнѣ чужой, а она — племянница, дочь моей двоюродной сестры. Она только двумя годами старше тебя. Вотъ тебѣ и подруга! Вы будете вмѣстѣ бѣгать и играть. Ее зовутъ Надей. Она много путешествовала со своимъ больнымъ отцомъ, была въ разныхъ странахъ, да вотъ никакой климатъ ему не помогъ и она осталась сиротой. Просто бѣда съ вами сиротами! Ну, какъ вотъ васъ оставишь однихъ? Что вы будете дѣлать безъ отцовъ да безъ матерей?

— А гдѣ она путешествовала? спросилъ мальчикъ.

— Ну, ужъ объ этомъ ты спросишь у нея самъ! отвѣтила Людмила Ивановна.—Она тебѣ лучше расскажетъ...

И, увидѣвъ, какъ Гриша спѣшилъ сдѣлать поскорѣе корабликъ, она продолжала:

— Я рада, что ты наконецъ пересталъ сторониться товарищей! А то ты держишь себя, точно дѣвочка какая-нибудь... И характеръ-то у тебя дѣвичій!.. Тебѣ-бы родиться дѣвчонкой!

Гриша окончилъ корабликъ и побѣждалъ съ нимъ къ рѣкѣ.

День былъ яркій, солнечный и рѣка сверкала такъ весело, что хотѣлось окунуться въ нее или-же болтаться въ ней голыми ногами. На берегу уже стояла цѣлая толпа мальчугановъ и весело шумѣла. Гриша робко подошелъ къ нимъ, держа въ рукѣ свой бѣлый, бумажный корабликъ. Онъ подошелъ такъ тихо, что его никто даже и не замѣтилъ. Всѣ были заняты своими корабликами, которые плыли на ниточкахъ, покачиваясь отъ вѣтерка; впереди неся смѣло и легко прекрасный большой корабль Коли Дроздова. Стройный, новенькій, съ полированными бортами и съ коленкоровыми парусами, онъ показался Гришѣ такимъ красивымъ, что онъ не могъ оторвать отъ него глазъ. Что, если-бы и у него былъ такой-же? И точно стыдясь своего бумажнаго кораблика, онъ быстро сунулъ его за спину.

— А ну-ка, покажи свой! обратился къ нему одинъ изъ мальчиковъ.—Да вѣдь онъ размокнетъ! Онъ бумажный! Его не стоитъ и пускать!

— Ничего! вступился Коля Дроздовъ.—Онъ, можетъ быть, и поплыветъ немножко! Пусти-ка его, Гриша!

Гриша подошелъ къ водѣ и протянулъ къ ней свой корабликъ. Бѣленькій, непрочный, онъ зака-

чался по водѣ, а затѣмъ его вдругъ подхватилъ вѣтеръ и помчалъ къ противоположному берегу.

— Тонетъ! Тонетъ! закричали мальчики.—Размокъ!

У Гриши глаза наполнились слезами. Онъ повернулся и тихо побрелъ къ себѣ домой. Ему было досадно и обидно, что онъ не могъ такъ-же веселиться, какъ и его товарищи, и что у него не было того, что было у другихъ.

— „Господи, шепталъ онъ.—Зачѣмъ я такой неспособный? Почему я не такой, какъ всѣ?“

И возвратясь домой, онъ сталъ мечтать о томъ, какъ у него будетъ когда-нибудь перочинный ножикъ и какъ онъ этимъ ножикомъ будетъ вырѣзать изъ дерева корабли и дѣлать разныя штуки. Но едва только онъ увидалъ себя въ саду, около своихъ цвѣтовъ, которые такъ любилъ, какъ все его горе прошло, онъ позабылъ обо всемъ и тотчасъ-же принялся за лопату и сталъ вскапывать грядку. Каждый цвѣтокъ былъ для него другомъ, каждая травка была его сестрой. Онъ разговаривалъ съ ними, велъ бесѣды съ пролетавшими птицами и мечталъ о томъ, какъ со временемъ вся земля будетъ одѣта цвѣтами и какъ на свѣтѣ не будетъ зла и люди и животныя будутъ близкими, искренними друзьями; мечтательный отъ природы, съ нѣжной, любящей душой, онъ жалѣлъ лошадей, которыя

должны были перевозить тяжести, и радовался за бабочекъ и птицъ, которыя могли свободно перелетать съ мѣста на мѣсто, и не зависѣли ни отъ кого. Томленія птицы въ клѣткѣ причиняли ему страданія и онъ долго придумывалъ планы, какъ-бы ее спасти. Онъ любилъ солнце, радовался ему и прощался съ нимъ, какъ съ живымъ, когда оно заходило. Цѣлые часы онъ просиживалъ иногда на ящикѣ между яблоней и сиреневымъ кустомъ и мечталъ о тѣхъ странахъ, гдѣ высокія пальмы поднимали свою кудрявую листву къ темно-голубому небу и гдѣ безбрежное лазурное море лѣниво плескалось о скалистые берега. Онъ никогда не видалъ ни моря, ни пальмъ, никогда ни отъ кого не слышалъ о нихъ, но видѣлъ ихъ гдѣ-то на картинкѣ и съ тѣхъ поръ привыкъ о нихъ мечтать. Онъ любилъ природу такую, какая она есть, каждая травинка и каждая козявка привлекали къ себѣ все его вниманіе и онъ могъ цѣлые часы не чувствовать себя одинокимъ въ обществѣ цвѣтка или какого-нибудь маленькаго, блестящаго жучка.

— Совсѣмъ дѣвочка! удивлялась на него Людмила Ивановна. — Другіе борются, дерутся, лазаютъ по заборамъ, а онъ все ковыряется около цвѣтовъ, да думаетъ о чемъ-то!..

Въ пятницу, за два дня передъ

Пасхой, пріѣхала Надя. Это была живая, красивая дѣвочка, немного маленькая для своихъ лѣтъ, но здоровая, румяная, съ большими свѣтло-голубыми глазами и съ каштановыми волосами, которыя волнами падали ей на плечи. Она быстро подружилась съ Гришей, они какъ-то сразу сошлись, поняли одинъ другого и уже не разставались ни на минуту. Цѣлые часы они копошились въ садикѣ, поливали грядки и устраивали изъ палочекъ заборчики вокругъ клумбы. Наканунѣ Пасхи они особенно тщательно посыпали пескомъ весь садикъ, полили цвѣты и покрыли коврикомъ деревянный ящикъ, служившій имъ скамейкой. Когда зашло солнце и они, упривившись, сѣли подъ яблоней, то Надя мечтательно подперла подбородокъ кулачкомъ и долго смотрѣла на оранжевую полосу заката.

— Скоро тюльпаны зацвѣтутъ... сказала она наконецъ.

И вдругъ въ ея глазахъ сверкнулъ огонекъ, она подняла голову и бодро посмотрѣла на Гришу.

— А знаешь, Гриша, сказала она, — есть страны, гдѣ цвѣты цвѣтутъ прямо изъ подъ снѣга!

— Гдѣ-же это? спросилъ Гриша.

— Когда я путешествовала съ папой по Швейцаріи, то мы переходили тамъ черезъ Альпійскія горы пѣшкомъ. Кругомъ былъ снѣгъ. Внизу свѣтитъ солнце и

тепло, какъ лѣтомъ, а наверху— вѣчные снѣга. Понимаешь? Вотъ тамъ я и видѣла, какъ цвѣты выросли прямо изъ-подъ снѣга. Это—эдельвейсы!

— Какая ты счастливая, что такъ много путешествовала.

— Я видѣла такъ много! продолжала Надя. — Я видѣла водопады, которые срывались со скалъ и сбѣгали внизъ, точно по ступенькамъ. Мы съ папой поднимались на башни старинныхъ замковъ и смотрѣли оттуда внизъ на рѣку Рейнъ, всю обсаженную по берегамъ виноградниками. Замки были такъ стары, что всѣ заросли плющомъ и кустарниками, между которыми на камняхъ грѣлись на солнышкѣ красивенькія ящерицы. А еще я видѣла море, — большое-большое, такое, что даже не видно и береговъ. И вода совсѣмъ синяя... За нашимъ пароходомъ плыли дельфины, это такіе морскіе звѣри, похожіе на большихъ рыбъ. Я была еще и въ Египтѣ. Тамъ никогда не бываетъ зимы и течетъ рѣка Ниль. По берегамъ ея возвышаются пирамиды, которымъ уже болѣе трехъ тысячъ лѣтъ... Туда убѣгала Божія Матерь съ маленькимъ Христомъ и Иосифомъ, когда царь Иродъ приказалъ убить всѣхъ младенцевъ въ Виллеемѣ... Ты знаешь, Гриша, міръ такъ великъ, что его нельзя объѣхать и во всю жизнь, но папа говорилъ мнѣ, что есть еще милли-

оны и другихъ міровъ, которые мы не знаемъ, но которые такъ-же прекрасны, какъ и наша земля.

— Какіе-же это міры?

— Это—звѣзды на небѣ, которыя мы видимъ по ночамъ!

Надя замолчала. Дѣти долго еще сидѣли на ящикѣ и каждый былъ занятъ своей думой. Надя смотрѣла не мигавшими глазами на закатъ и вспоминала, а Гриша думалъ о томъ, какъ онъ выростетъ большой и тоже будетъ путешествовать. Какъ много онъ постарается тогда увидѣть!

Прожужжалъ жукъ, повѣяло вечернимъ холодкомъ и гдѣ-то далеко на кладбищѣ зазвучалъ жиденькій, надтреснувшій колоколь.

— Знаешь, снова заговорила Надя, — сегодня ночью, въ пасхальную заутреню, въ Москвѣ будетъ такой звонъ, какого нѣтъ нигдѣ на свѣтѣ. Въ прошломъ году мы съ папой ходили тамъ на Каменный мостъ и слушали этотъ звонъ. Звонили тысячи колоколовъ и такъ громко, что весело было слушать. Они звонили всѣ разомъ и такой звонъ бываетъ только одинъ разъ въ году— именно въ Пасхальную ночь. Развѣ ты этого не зналъ?

— Нѣтъ, не зналъ, съ сожалѣніемъ отвѣтилъ Гриша.—Ты говоришь — тысячи колоколовъ? Но какъ-же ты не оглохла?

Надя усмѣхнулась.

— Какой ты глупый! отвѣтила

она. — Вѣдь это музыка, которой нельзя наслушаться никогда! А развѣ отъ музыки можно оглохнуть? Такъ-бы все стоялъ и слушалъ, слушалъ безъ конца!

Но въ мозгу у Гриши плохо укладывались звонъ тысячи колоколовъ и сладкая музыка, которой нельзя было наслушаться никогда. Звонъ колокола былъ для него силой, передъ которой онъ чувствовалъ себя маленькимъ и слабымъ, какъ и передъ всякой силой вообще, а музыка всегда казалась ему нѣжной лаской, похожей на ласку матери, которой онъ лишился когда-то уже давно. Онъ любилъ музыку, любилъ каждый ея звукъ и она тончайшей струйкой всегда вливалась ему въ самое сердце и заставляла его забыть обо всемъ и теперь онъ старался вообразить себѣ эту грандіозную музыку тысячи московскихъ колоколовъ, которая силу превращала въ ласку и которая давала настроеніе и трогала за душу.

„Вотъ-бы послушать“!... подумалъ Гриша.

Спустился вечеръ, тихій, нѣжный, ароматный. Зажглись въ небѣ звѣзды и робко замигали лучами. Все кругомъ затихло и слышно было только, какъ гдѣ-то далеко лаяли собаки. Всѣ уже управились, отдыхали и теперь только ожидали наступленія ночи, чтобы идти къ пасхальной заутренѣ.

— Дѣти! вдругъ послышался изъ окна голосъ Людмилы Ивановны.—Уже пора! Идите спать!

Они взялись за руки и, точно братья и сестра, отправились вмѣстѣ домой.

— Уже девятый часъ! сказала Людмила Ивановна! — Ложитесь скорѣе спать!

И, приложивъ Гришѣ ладонь ко лбу, она нахмурилась и покачала головой.

— Опять жаръ! сказала она.— Не нужно было-бы такъ долго оставаться на воздухѣ.

— А я пойду сегодня къ заутренѣ? спросилъ ее Гриша.

Она не хотѣла его разочаровывать и отвѣтила:—Пойдешь!

Гриша и Надя поѣли кое-чего и легли въ постельки. Вкусно пахло куличами и на покрытомъ бѣлою скатертью столѣ стояло блюдо съ красными яйцами. Вездѣ было чисто, какъ бываетъ только передъ большимъ праздникомъ, и передъ образомъ горѣла лампадка.

— Спать, спать, дѣти! Спать! сказала Людмила Ивановна, перекрестила ихъ и вышла изъ комнаты.

Гриша долго не могъ уснуть. Онъ ворочался съ боку на бокъ и все думалъ о томъ, что ему говорила Надя.

„Колокола, какъ музыка“... думалъ онъ.—„Цѣлыя тысячи колоколовъ... Когда звонять къ обѣднѣ въ селѣ Никулинѣ, за три версты

— Христовъ воскресъ!

Ласточки прилетѣли!

отсюда, то бываетъ слышно никулинскій колоколь. Должно быть, слышны здѣсь и московскіе колокола, когда наступаетъ пасхальная заутреня, хотя до Москвы отсюда цѣлыя пятьсотъ верстъ... Но вѣдь ихъ тамъ цѣлыя тысячи!.. Воображаю, какъ они сразу всё загудятъ!.. Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ я просыпалъ пасхальную заутреню и ни разу не вставалъ! Тогда-бы я услышалъ московскій звонъ!“...

Онъ осторожно приподнялся и сѣлъ на кровати. Кругомъ было тихо и Людмила Ивановна и Надя уже спали. Стрѣлка часовъ показывала уже одиннадцать и ему показалось страннымъ, что такъ скоро промельнули уже цѣлые три часа.

„Сейчасъ стрѣлка перескочитъ на двѣнадцать, подумалъ онъ, — и я услышу, какъ начнутъ въ Москвѣ звонить“...

И стрѣлка тотчасъ-же перескочила на двѣнадцать. И вдругъ Гриша услышалъ тихій, протяжный звонъ, какъ будто гдѣ-то далеко-далеко ударили въ тяжелый, мѣдный колоколь, потомъ раздался второй звукъ — звончѣе и не такой густой, и сразу тысячи маленькихъ колоколовъ зазвонили радостно и нѣжно, перебивая другъ друга и сливаясь въ необыкновенную, сладчайшую музыку, какой Гриша не слышалъ никогда.

„Вотъ они московскіе колокола!“ подумалъ онъ и, полный радости, подошелъ къ окну и тихо распахнулъ его въ садъ. На него пахнуло теплымъ весеннимъ воздухомъ, напоеннымъ запахомъ черемухи и меда, и онъ увидѣлъ, что всё деревья стояли въ цвѣту, бѣлыя и нарядныя, какъ дѣти передъ причастіемъ. Подъ яблоней, одѣтая въ бѣлое платье и бѣлые башмачки, стояла Надя. Она держала въ рукѣ вѣтку сирени и тихо манила его Гришу къ себѣ. Онъ спрыгнулъ на землю и подошелъ къ ней.

— Пойдемъ, сказала она. — Намъ ждетъ корабль.

— Какой корабль? спросилъ онъ.

— Новенькій, съ полированными бортами и съ коленкоровыми парусами. Точно такой-же, какъ у Коли Дроздова...

— Какъ-же я пойду? Мнѣ надо одѣться!

Но Надя тронула его сиреновой вѣткой и на немъ вдругъ оказался сѣрый бархатный костюмъ и бархатная шляпа.

— Ну, идемъ-же скорѣе! сказала она и, взявъ его за руку, вывела за калитку.

Они шли по пустыннымъ улицамъ. Все спало и только колокола не умолкая звонили радостно и звонко, да деревья въ садахъ стояли всё бѣлыя—бѣлыя въ полномъ цвѣту.

Такъ дошли они до рѣки. У бе-

рега стоялъ красивый корабль съ лакированными бортами и съ надутыми парусами и ожидалъ ихъ прихода.

— Входи! сказала Надя.

Гриша поднялся по деревянному мостику на корабль, за нимъ вошла и Надя и корабль взмахнулъ парусами и помчался внизъ по рѣкѣ.

— Куда мы ѣдемъ? спросилъ Гриша.

— Увидишь.

Они незамѣтно выѣхали въ открытое море. Уже разсвѣло и надъ ними нѣжно голубѣло небо, залитое первыми лучами всходившаго солнца. Море синѣло вдали и было спокойно, какъ зеркало.

— Посмотри направо! сказала Надя.

Гриша обернулся и увидѣлъ красивый берегъ, заросшій пальмами и большими апельсиновыми деревьями, на которыхъ висѣли уже зрѣлые, оранжевые плоды, а кругомъ цвѣли тюльпаны и нарцисы и цѣлое море фіалокъ и гвоздикъ. Вдалекѣ виднѣлись горы, заходившія за облака, и казались подернутыми свѣтло-лиловой вуалью.

— Это югъ Франціи, обратилась къ Гришѣ Надя.—Здѣсь никогда не бываетъ зимы и такъ хорошо, какъ нигдѣ въ Европѣ. Но сколько-бы времени ты ни жилъ здѣсь, тебя непременно потянетъ отсюда домой и ты будешь скучать по бодинѣ. Это—законъ Бога и про-

тивъ его нельзя идти. Но отправимся дальше.

Корабль понесся по гладкой поверхности моря и Гриша увидѣлъ другіе берега. Здѣсь уже росли кактусы, вились ползучія растенія и широкія развѣсистыя пальмы далеко раскидывали свои перистыя вѣтви. Веселыя обезьяны прыгали съ дерева на дерево и красивые, розовые и зеленые попугаи, повиснувъ на лапкахъ и распустивъ пушистые хохолки, покачивались на вѣткахъ.

— Ахъ, какъ хорошо! воскликнулъ Гриша.

— Да, хорошо, отвѣтила Надя.— Но поѣдемъ дальше!

Внезапно все исчезло и вдали показались синеватыя вершины высокихъ, снѣжныхъ горъ.

— Здѣсь мы остановимся, сказала Надя.

Они подплыли къ самому берегу и спрыгнули на землю.

— Мы поднимемся на горы? спросилъ Надю Гриша, когда они подошли уже къ самому подножію высокой горы, уходившей за облака.

— Да, отвѣтила Надя,—держись за меня крѣпче!

Онъ ухватился за ея одежду и они стали подниматься. Маленькія ножки Нади ступали увѣренно и быстро, какъ будто бы она шла по дорожкамъ садика Людмилы Ивановны, а онъ карабкался за ней и ему трудно было за нею

поспѣть. Они поднялись на самую вершину и здѣсь, въ вѣчномъ снѣгу, Гриша увидѣлъ красивыя, бѣлыя цвѣты, похожіе на звѣзды и казавшіеся сдѣланными изъ бархата.

— Это эдельвейсы, сказала Надя. — Теперь мы въ Швейцаріи. Посмотри внизъ, какъ тамъ красиво!

Гриша оглядѣлся по сторонамъ. Далеко внизу подъ нимъ разстилось изумрудное озеро, по берегамъ котораго виднѣлись деревни и городки, а прямо передъ нимъ, изъ края въ край, тянулась блестящая на солнцѣ цѣпь Альпійскихъ горъ, покрытыхъ вѣчными снѣгами. Гдѣ-то сбоку глухо брнчали колокольчики: это шли на пастбище стада и маленькіе пастушки брели за ними и играли на свирѣляхъ. И все время въ ушахъ у Гриши звучали московскіе колокола и его тянуло къ нимъ и онъ боялся, какъ-бы они не перестали звонить.

— Поѣдемъ домой! обратился онъ къ Надѣ.

— Развѣ тебѣ здѣсь не хорошо? спросила она его.

Онъ опустил глаза.

— Нѣтъ, хорошо, отвѣтилъ онъ. — Но мнѣ уже хочется домой, въ свой садикъ, гдѣ я посадилъ цвѣты и гдѣ каждая травинка и каждая вѣточка мнѣ знакомы. Я такъ ихъ люблю, что не хотѣлъ-бы съ ними разставаться никогда!..

Она ласково улыбнулась.

— Вотъ видишь, сказала она. — Мы объѣхали съ папой почти весь свѣтъ, мы видѣли такія мѣста, лучше и роскошнѣе которыхъ нельзя себѣ даже и вообразить, и все-таки насъ всегда тянуло къ себѣ домой. Любовь къ родинѣ— это законъ Бога и ни одинъ человѣкъ не можетъ его въ себѣ побѣдить. Какъ-бы тебѣ тяжело ни жилось на свѣтѣ, какъ бы ты ни былъ бѣденъ и одинокъ, ты всегда будешь любить свою родину и она замѣнитъ тебѣ родную мать.

Гриша снова оглядѣлся кругомъ. Вездѣ хмурились горы, а внизу, между озеръ, зеленѣли долины и бѣжали прозрачныя ручьи.

— Мнѣ хочется домой... сказалъ онъ,—къ моему садику и къ деревьямъ!..

— Такъ иди смѣло! отвѣтила Надя.— Не бойся, иди впередъ!

Онъ хотѣлъ спуститься въ эти долины, сдѣлалъ шагъ впередъ, но поскользнулся и почувствовалъ, что вдругъ сорвался внизъ... Онъ падалъ и падалъ куда-то внизъ, гдѣ клубились густыя сизыя пары и гдѣ не видѣлось конца пропасти, въ которую онъ сорвался и на дно которой долженъ былъ упасть. Онъ хотѣлъ крикнуть, но у него не хватило голоса и ужась, что онъ не увидитъ больше своей родины, сковалъ всѣ его члены и заставилъ его задрожать. Онъ собралъ всѣ свои силы, натужился, вскрикнулъ и... проснулся.

Свѣтило солнце и въ открытое окно доносилось веселое щебетанье птицъ. У кровати стояла Людмила Ивановна и будила его.

— Вставай засоня говорила она. Уже десятый часъ! Къ тебѣ мальчики пришли!

И распахнувъ дверь, она кому-то сказала:—Войдите, войдите, онъ уже проснулся!

Послышались шумъ, возня, смѣхъ и цѣлая ватага мальчиковъ ввалилась въ комнату. Впереди всѣхъ шелъ Коля Дроздовъ. Въ рукахъ у него былъ красивый, полированный корабликъ съ бѣлыми, коленкоровыми парусами, точь въ точь

такой, на какомъ Гриша съ Надей катались ночью по морямъ и озерамъ.

— Это тебѣ! сказалъ онъ, кладя его на кровать.—Мы всѣ сложились и купили тебѣ. Вѣдь у тебя нѣтъ кораблика?

Изъ за его спины выглядывали веселыя, румяныя, улыбающіяся лица школьниковъ и глядѣли голубые, задорные глазки Нади.

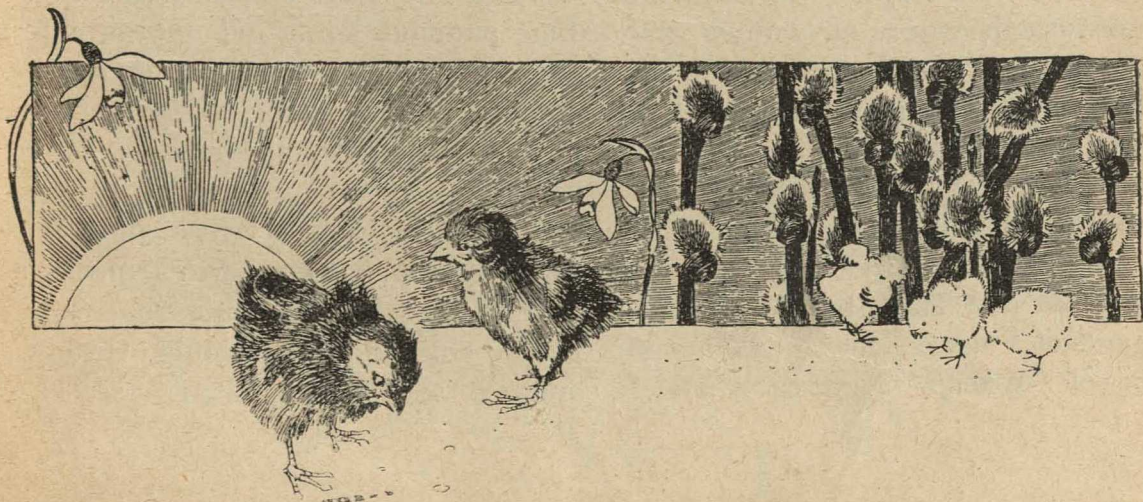
Гриша сидѣлъ на кровати и смотрѣлъ поочередно то на корабликъ, то на Надю, то на мальчиковъ и не понималъ еще хорошенько, во снѣ-ли это все, или на яву?

Е. О.

ЧЕРЕМУХИ ЦВѢТУТЪ.

Прилетѣлъ съ весною благодатной,
Птичекъ хоръ въ тѣнистый, старый садъ,
Слышенъ лепетъ ручейка невнятный
И несется всюду аромать...
По утрамъ такъ весело въ аллеѣ!
Мотыльки порхаютъ тамъ и тутъ,
Смотрить съ неба солнце веселѣ,
И черемухи, черемухи цвѣтутъ!..

А. Н.

ДВѢ СИРОТКИ.

ПОВѢСТЬ.

(Продолженіе).

Когда Евгенія Ѳедоровна пріѣхала въ свой родной городъ, то стояла пышная весна, въ палисадникахъ цвѣли вишни и въ городскомъ саду уже показались первые тюльпаны. Во всѣхъ домахъ уже были выставлены двойныя рамы и происходила предпраздничная уборка: мыли окна, выколачивали мебель и обметали стѣны и потолки. Какая-то особенная радость жизни вѣяла отъ этихъ работъ и отъ дыханія прекрасной весны, которая такъ много общала и такъ щедро сыпала на своемъ пути цвѣтами.

Когда Евгенія Ѳедоровна съ Маргаритой ѣхали съ вокзала въ гостинницу, то послѣ заграничныхъ городовъ провинціальный русскій городъ показался имъ въ первую минуту какимъ-то широкоуличнымъ, приплюснутымъ и грязнымъ, но по мѣрѣ того, какъ онѣ проѣзжали улицу за улицей, воспоминанія нахлынули въ душу Евгеніи Ѳедоровны и все показалось ей необыкновенно милымъ, уютнымъ и трогательнымъ по своей незатѣйливой простотѣ.

— Вотъ это—женская гимназія, указала она Маргаритѣ.—Здѣсь я училась, когда была дѣвочкой. Здѣсь будешь учиться и ты. А

вотъ это—городской садъ.—Здѣсь я когда-то гуляла со своей гувернанткой.

Проѣзжая мимо домика съ голубыми воротами, въ которомъ жили бабушка Наталія Кириловна, Костя и Катя, она улыбнулась и что-то ласковое шевельнулось у нея въ душѣ.

— А вотъ этотъ домикъ, указала она Маргаритѣ, — все такой же, какимъ онъ былъ и тридцать лѣтъ тому назадъ. Я знаю его, какъ живу на свѣтѣ. Всегда онъ чистенькій, аккуратненькій и всегда у него ворота окрашены въ голубую краску.

Маргарита смотрѣла по сторонамъ, но городъ не производилъ на нее того впечатлѣнія, какое испытывала Евгенія Ѳедоровна, и она скучала.

Во всемъ городѣ у Евгеніи Ѳедоровны не было никого родныхъ. Еще раньше, когда она постоянно жила въ немъ, вся жизнь ея проходила одиноко, въ своемъ родномъ кругу, и въ заботахъ о покойномъ мужѣ и о маленькой Катѣ она и не замѣчала, какъ проходило время. Теперь этотъ недостатокъ давалъ себя чувствовать. Прямо съ вокзала Евгенія Ѳедоровна должна была ѣхать въ го-

стинницу и, уже живя тамъ, подыскивать себѣ квартиру. Ея домъ перешелъ уже въ третьи руки и она проѣхала мимо него съ такимъ чувствомъ, точно лишилась въ немъ части своей жизни.

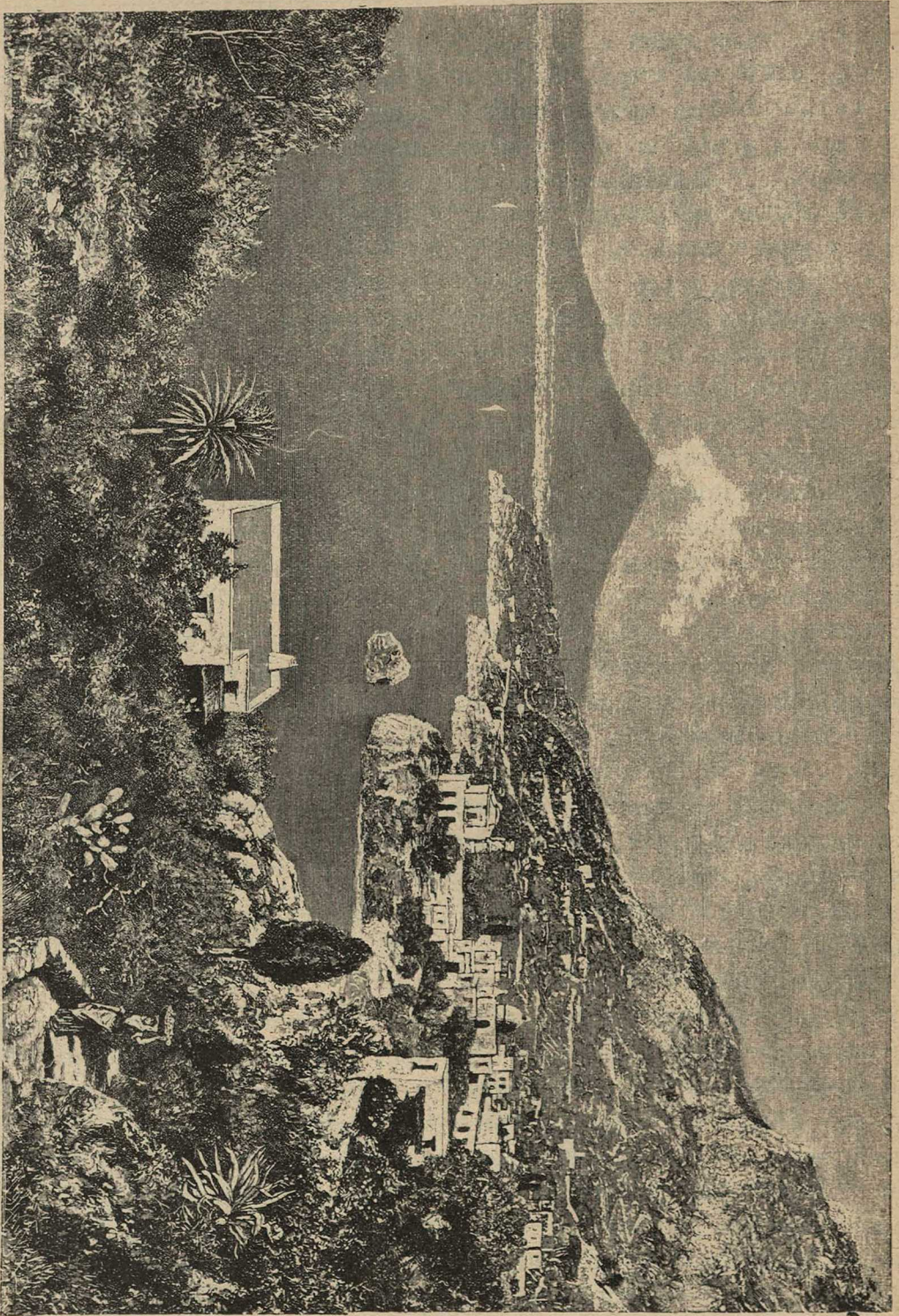
— „Хорошо было-бы выкупить его обратно“, подумала она и съ жалостью поглядывала на вишневые кусты, залитые цвѣтомъ, точно молокомъ, которые она посадила сама и которые такъ буйно разрослись за ея отсутствіе.

Она сняла номеръ въ гостиницѣ и поселилась въ немъ съ Маргаритой. Привезли съ вокзала сундуки, она распаковала ихъ, обставила поуютнѣе номеръ, переодѣлась, но не почувствовала себя въ немъ дома. Ей хотѣлось простоты, своего садика, большихъ комнатъ, чтобы въ нихъ раздавался веселый смѣхъ Маргариты, и слышался быстрый топотъ ея маленькихъ дѣтскихъ ногъ. Она уже привязалась къ Маргаритѣ. Всю свою любовь къ пропавшей дочери она перенесла на эту чужую дѣвочку и ей казалось теперь уже невозможнымъ разстаться съ ней или уступить ее кому-нибудь другому. Каждый день раскрывалъ для нея въ ребенкѣ все новыя и новыя качества, которыхъ она не замѣчала раньше и которые теперь приводили ее въ восхищеніе. Необыкновенная правдивость дѣвочки, привязчивость, что-то нѣжное въ ея душѣ заставляли

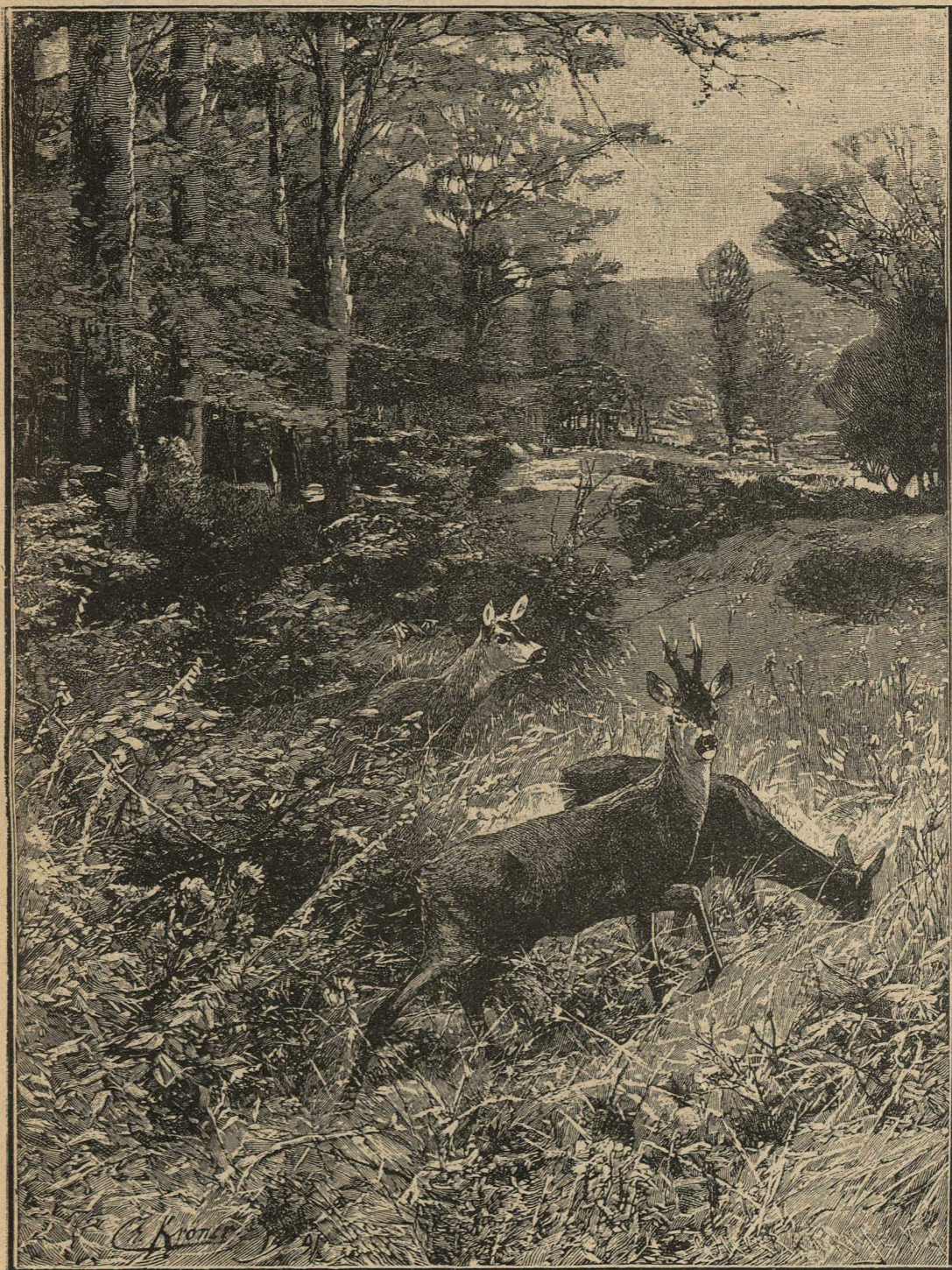
иногда Евгенію Ѳедоровну въ восторженномъ порывѣ жадно прижимать Маргариту къ себѣ и цѣловать ее въ губы, въ щеки и въ глаза. На эту ея привязанность Маргарита отвѣчала ей тѣмъ-же и скоро между ними установились тѣ рѣдкія отношенія, какимъ могли бы позавидовать родныя мать и дочь.

Номеръ выходилъ окнами во дворъ. Ходили куры съ пѣтухомъ и у будки сидѣла рыжая добродушная собака и зря брехала въ воздухъ. Бѣгали голуби. На протянутыхъ веревкахъ висѣло только что вымытое бѣлье и сушилось. Какой-то старичекъ вынесъ на солнце мѣховую шубу и сталъ съ ожесточеніемъ колотить ее палкой. И все это показалось Евгеніи Ѳедоровнѣ необыкновенно милымъ. Ахъ, какъ она соскучилась, по своей родинѣ, по этой простой, незатѣйливой русской жизни! Съ какимъ удовольствіемъ она поживетъ теперь въ своемъ родномъ городѣ, въ провинціи, гдѣ она займется воспитаніемъ Маргариты, постарается дать ей образованіе и этими хлопатами о ней наполнить свою одинокую жизнь.

И она тотчасъ-же принялась за отысканіе квартиры. Она наняла большой домъ съ колоннами гдѣ-то далеко, на самомъ краю города, такъ что громадный запущенный садъ выходилъ прямо въ открытое поле. Маргарита обрадовалась про-

Сорренто, близъ Неаполя, въ Италіи.

У опушки лѣса.

сторую; съ утра и до вечера она бѣгала по саду, рѣзвилась, рвала цвѣты, составляла букеты и слушала соловьевъ, которые громко распѣвали въ разросшихся кустахъ сирени.

— Ахъ, мама, какъ здѣсь хорошо! то и дѣло говорила она, прибѣгая въ домъ то за тѣмъ, то за другимъ. — Я не уѣду отсюда никогда!

Евгенія Оедоровна улыбалась ей въ отвѣтъ и ей было пріятно, что дѣвочкѣ нравилось въ Россіи и что она перестала скучать по матери и по сестрѣ Кетти.

Наняли гувернантку Клару Ивановну и стало веселѣе. Каждое утро Клара Ивановна усаживала Маргариту за уроки, а затѣмъ, отучившись, онѣ выходили въ садъ и бѣгали другъ за дружкой такъ, точно были сверстницы. Клара Ивановна была еще молода, отличалась веселымъ характеромъ и умѣла звонко смѣяться. Это нравилось Евгеніи Оедоровнѣ и она была довольна, что наняла такую гувернантку. Маргарита обожала Клару Ивановну. Все время онѣ были вмѣстѣ, вмѣстѣ играли даже въ куклы и, глядя на нихъ со стороны, можно было подумать, что это были двѣ родныя сестры. Въ домѣ было много простора. Большія комнаты такъ и стояли необитаемыми, а тѣ, въ которыхъ помѣщались Евгенія Оедоровна съ гувернанткой и Мар-

гаритой, были уютны и просторны. Часто, когда шелъ дождь, или было холодно и за окошкомъ бушевала непогода, Евгенія Оедоровна садилась за піанино и начинала играть, а Клара Ивановна съ Маргаритой танцовали и поднимали такую возню, что сбивали въ сторону всю мебель и ковры. Это приводило Евгенію Оедоровну въ восторгъ. Веселость молодежи передавалась и ей и всякій разъ кончалось тѣмъ, что она вскакивала съ мѣста, подбѣгала къ Маргаритѣ, обхватывала ее руками и крѣпко прижимала къ сердцу.

— Ты моя! Моя! говорила она. — Я никому тебя не отдамъ.

Прошелъ годъ, миновалъ другой— и все стало входить въ свою обычную колею. Маргарита подростала и училась, Евгенія Оедоровна стала мало по малу позабывать о своемъ горѣ и всѣ онѣ трое жили въ своемъ большомъ помѣщичьемъ домѣ на краю города и никто даже и не зналъ, что онѣ тамъ жили.

А тѣмъ временемъ Костя уже окончилъ курсъ гимназійи и готовился поступить въ университетъ. Теперь это былъ уже взрослый юноша съ едва замѣтно пробиравшимися усиками и бабушка Наталья Кириловна и Дуняша не могли на него наглядѣться и заранѣе печалились о томъ, что скоро придется съ нимъ разстаться и отпустить его въ Харьковъ одного въ университетъ.

— Но что-жъ дѣлать? говорила бабушка, — Онъ мужчина! Ему надо пробивать себѣ дорогу! Не вѣкъ-же намъ держать его при себѣ.

И втайнѣ она даже радовалась, что онъ уже большой и будетъ жить въ Харьковѣ одинъ. Ей оставалась въ утѣшеніе Катя, которую она любила безъ ума, и безъ которой не могла-бы теперь даже себѣ представить своего домика съ голубыми воротами и своихъ садика и двора.

Катя тоже училась. Каждый день Костя усаживалъ ее за столъ, преподавалъ ей науки и часто своими требованіями доводилъ ее до слезъ. Она вскакивала, прыгала книжки на полъ и бѣжала жаловаться на него бабушкѣ.

— Не желаю заниматься съ нимъ—дуракомъ, говорила она.— Онъ придирается!

Но дѣло улаживалось всегда само собой, она возвращалась къ Костѣ и снова принималась за ученье. Онъ былъ отличнымъ репетиторомъ и довелъ свое дѣло до конца: въ два года она была подготовлена уже настолько, что смѣло могла-бы поступить во второй классъ гимназіи, если-бы не была еще такъ мала.

Въ концѣ лѣта Костя сталъ поговаривать о поѣздкѣ въ Харьковъ. Бабушка радовалась, но въ тоже-же время и хмурилась. Какая-то тайная мысль волновала ее и не давала ей покоя. Кончилось дѣло

тѣмъ, что однажды вечеромъ, когда Катя улеглась уже спать, она позвала Костю къ себѣ и торжественно усадила его въ кресло.

— Садись, садись!... сказала она.— Ты теперь уже большой... Я хочу съ тобой поговорить!

Онъ думалъ, что она собирается поговорить съ нимъ объ его будущей студенческой жизни, и началъ объ этомъ разговоръ.

— Нѣтъ, нѣтъ! прервала его бабушка.— Я не о томъ. Я хочу задать тебѣ одинъ только серьезный вопросъ: когда ты намѣренъ съѣздить въ Берлинъ?

— Въ Берлинъ? удивился Костя.— Зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ? А развѣ ты позабылъ о драгоценностяхъ Кати, которыя тамъ хранятся въ Сѣверно-Германскомъ банкѣ?

— Ахъ, да, да!.. вспомнилъ Костя.— Но отдадутъ-ли ихъ мнѣ?

Бабушка улыбнулась и горделиво оглядѣла Костю.

— Что-жъ, ты мальчикъ, что-ли? отвѣтила она.— Ты ужъ большой! Ты окончилъ курсъ гимназіи и скоро будешь студентомъ!

Это ему польстило. Онъ попросилъ у бабушки квитанцію и долго оглядывалъ ее со всѣхъ сторонъ. Квитанція была написана такъ, что драгоценности выдали-бы изъ банка всякому, кто-бы ее ни предъявилъ.

— Хорошо, сказалъ затѣмъ Костя,—я поѣду!

И его стали собирать въ далекій путь. Напекли ему пирожковъ на дорогу, дали чайникъ, сахару и чаю и проводили на вокзалъ. Онъ былъ теперь въ штатскомъ костюмѣ и въ шляпѣ котелкомъ и не упустилъ случая, чтобы лишній разъ не поглядѣть на себя въ зеркало; все для него было ново и интересно и жизнь открывалась для него впереди и щеки его алѣли отъ удовольствія и глаза весело сверкали. Наталья Кирилловна, Дуняша и Назаровна не могли на него наглядѣться, а Катѣ онъ казался героемъ и она не могла оторвать отъ него глазъ. Всѣ четверо еще долго бѣжали по платформѣ за поѣздомъ, когда онъ отошелъ отъ станціи, и провожали его пожеланіями. Онъ стоялъ на площадкѣ вагона и долго махалъ имъ платкомъ, пока наконецъ поѣздъ не скрылся совсѣмъ изъ виду.

— Ухаль!.. сказала бабушка и глубоко вздохнула.

— Ухаль!.. повторила и Дуняша.

Назаровна еще долго смотрѣла въ то мѣсто, куда скрылся поѣздъ, и тоже со вздохомъ произнесла:—

— Ухаль!..

Одна только Катя молчала и стояла, опустивъ голову. Ей было тяжело, что отъ нея ухаль ея названный братъ. Съ кѣмъ она теперь будетъ ссориться и съ кѣмъ будетъ такъ весело играть?

Пришли домой и всѣ четверо

прошлись по всѣмъ комнатамъ. Показалось такъ пусто-пусто, точно Костя занималъ весь домикъ одинъ.

„Что-же будетъ, когда онъ уѣдетъ отъ меня въ Харьковъ совсѣмъ?“ подумала бабушка.

Черезъ десять дней Костя неожиданно вернулся обратно. Его ожидали черезъ двѣ недѣли и онъ явился, какъ снѣгъ на голову.

— Костя!.. взвизгнула Катя, первая увидавшая его.—Костенька! Костя!

Онъ вошелъ немного загорѣвшій и возмужавшій даже за эти десять дней. Всѣ бросились къ нему, стали его обнимать и цѣловать, но онъ чувствовалъ себя неловко отъ этихъ ласкъ и отбивался отъ поцѣлуевъ.

— Да что ты утираешься-то рукавомъ? крикнула на него шутя бабушка.—Точно и поцѣловать тебя теперь нельзя!

Дали ему ѣсть и онъ ѣлъ, какъ голодный шакалъ. Назаровна и Дуняша смотрѣли на него съ умиленіемъ и все подглядывали ему побольше на тарелку. Поѣвши, онъ бросился къ чемодану и сталъ вынимать для всѣхъ подарки.

— Миленькій ты мой!.. причитала надъ нимъ Назаровна.—И меня-то старуху не забылъ! И меня вспомнилъ на чужбинѣ! Привезъ мнѣ платочекъ...

Она держала въ рукѣ платочекъ, а слезы такъ и катились у нея изъ глазъ.

Всѣ получили подарки. Одна только Катя осталась безъ подарка.

— А мнѣ? спросила она.

Костя полѣзъ въ чемоданъ и, многозначительно подмигнувъ, досталъ изъ него шкатулку. При видѣ ея бабушка вспыхнула и отъ волненія задрожала.

— Получилъ? спросила она.

— Получилъ! отвѣтилъ онъ. — Выдали!

Бабушка приняла отъ него шкатулку.

— Что это? спросила Катя.

— Это подарокъ для тебя, отвѣтила ей бабушка и, не чувствуя подъ собою ногъ, направилась къ себѣ въ комнату.

Катя радостно взвизгнула. Всѣ послѣдовали за бабушкой. Трепетными руками она отперла шкатулку и приподняла шелковое стеганное одѣяльце. Подъ нимъ сверкнули брилліанты. Всѣ обступили бабушку со всѣхъ сторонъ.

— Катерина, поиди сюда! громко сказала Наталія Кирилловна.

Катя выступила впередъ.

Бабушка вынула изъ ларца брилліантовую брошь и приколола ее къ Катѣ. Затѣмъ она достала отъ туда нитку жемчуга и надѣла ей ее на шею. Потомъ она вынула изъ ларчика одну драгоценность вслѣдъ за другой и положила ихъ на столѣ. Всѣ стояли и, полные удивленія, молчали. Давно не видѣвшіе свѣта, брилліанты переми-

гивались такъ, что было больно на нихъ смотрѣть.

— Все это твое! сказала бабушка. — Это тебѣ оставила твоя покойная мать! Ты довольна?

— Да... отвѣтила Катя.

Бабушка была разочарована. Она ожидала найти при брилліантахъ мѣтку или хотя какое-нибудь указаніе на то, кому они принадлежали, но при нихъ не оказалось ничего. Она долго еще перебирала драгоценности и осматривала со всѣхъ сторонъ одѣяльце и сундучокъ, но всѣ ея старанія оказались тщетными.

— Ну, что-жъ, Катерина-премудрая, обратилась она къ Катѣ. — Снимай! Пора! Поносила немножко и довольно!

Катя нехотя сняла съ себя брошку и нитку жемчуга и подала ихъ бабушкѣ. Наталія Кирилловна бережно уложила драгоценности въ сундучокъ и заперла его къ себѣ въ комодъ. Затѣмъ Дуняша ушла, Катя и Костя убѣжали на дворъ, а бабушка еще долго разговаривала съ Назаровной и вспоминала вмѣстѣ съ нею о быломъ.

— Хорошіе были нѣмцы!.. говорила Назаровна. — Дай Богъ имъ царство небесное! Другіе на ихъ мѣстѣ давно бы присвоили себѣ эти камни самоцвѣтные, а они вотъ сберегли ихъ для Катюши! Упокой, Господи, ихъ душеньки, прости имъ грѣхи, яже вольные, яже невольные..

И она широко нѣсколько разъ перекрестилась.

— Ну, хоть-бы что-нибудь!.. все еще вздыхала бабушка.—Хоть-бы мѣтка или маленькая записка! Ну, какъ теперь узнать, кто были мать и отецъ Катюши?

— Да на что вамъ барыня, узнавать-то? возразила ей Назаровна.— Послалъ вамъ Господь счастье, далъ вамъ Катюшу—ну, и благодарите Его за это! А узнаютъ ее родные-то ея мать и отецъ и отберутъ ее отъ насъ! Что мы тогда будемъ съ вами дѣлать? Да я на другой-же день умру, сирота горемычная!

Бабушка и сама побаивалась, какъ-бы кто-нибудь не отобралъ у нея Катю, но чувство порядочности и желаніе счастья для Кати и ея неизвѣстныхъ родителей, которые вѣроятно печалились о ней и тосковали, пересиливало въ ней ея любовь къ дѣвчкѣ и желаніе своего собственнаго счастья.

— Что-же дѣлать? отвѣтила она.— Это моя обязанность!.. Я должна такъ поступить. Я уже одной ногой стою въ могилѣ, а для Кати вся жизнь еще впереди!..

Затѣмъ еще разъ посмотрѣли на драгоценности, оглядѣли ихъ со всѣхъ сторонъ и снова спрятали въ комодъ.

— Дѣлать нечего!.. вздохнула бабушка.— Значить, такъ Богу угодно!

Прошли еще двѣ недѣли и Костю снова стали собирать въ далекій путь. На этотъ разъ онъ уѣзжалъ уже въ Харьковъ, въ университетъ, и до самаго Рождества. Для него стали готовить бѣлье и одежду, приходилъ портной и принесъ ему пальто съ барашковымъ воротникомъ, отъ котораго всѣ пришли въ восторгъ, и наконецъ все было уже готово и ожидало только дня, чтобы отправиться вмѣстѣ съ Костей на вокзалъ. Было рѣшено, что онъ отправится въ Харьковъ 16-го Августа, но чѣмъ ближе становился этотъ день, тѣмъ все болѣе и болѣе Костѣ не хотѣлось уѣзжать, хотя онъ и старался это скрыть отъ другихъ. Наконецъ наступило 14-е Августа.

Былъ теплый, лѣтній вечеръ. Заходило солнце, длинныя тѣни отъ деревьевъ протянулись черезъ дорогу и слышно было, какъ на сосѣдней улицѣ мычало стадо, возвращавшееся съ выгона. Давно уже не было дождя и по случаю завтрашняго праздника Успенья взадъ и впередъ ѣздили по улицамъ бочки и поливали мостовыя. Пахло скатавшейся пылью и тянуло сладкимъ запахомъ отъ никоціаны и другихъ цвѣтовъ, росшихъ въ палисадникѣ при домѣ Наталіи Кирилловны. Какъ-то невольно тянуло или въ городской садъ, или-же въ поле, на волю, гдѣ не было такъ душно и гдѣ можно было подышать свѣжимъ

воздухомъ, напоеннымъ ароматомъ наступающаго вечера.

— Пойти ко всенощной, что-ли... вздохнула Наталія Кирилловна, зѣвнула и перекрестила себѣ ротъ. — Завтра Успенье... Въ богоугодномъ заведеніи храмовой праздникъ.

Она стала собираться и скоро была уже готова и стояла въ шляпѣ и черномъ шелковомъ манти.

Богоугодное заведеніе находилось далеко за городомъ, почти среди поля, и стояло одиноко на самомъ прищебѣ солнца.

— Не знаю, найду-ли обратно извозчика... проговорила бабушка и направилась къ калиткѣ.

Костѣ давно уже хотѣлось пройтись куда-нибудь подальше и онъ крикнулъ ей вслѣдъ:—

— Я за тобой, бабушка, приду!.. Я провожу тебя обратно!

Были уже сумерки, когда онъ, взявши Катю за руку, отправился съ нею за бабушкой въ богоугодное заведеніе. Они прошли улицу за улицей и вышли наконецъ на край города, гдѣ тянулись одни только огороды, да досчатые безконечные заборы. Среди нихъ одиноко стоялъ старинный барскій домъ съ колоннами и громадный паркъ, начинаясь прямо отъ дома, уходилъ куда-то далеко и кончался гдѣ-то у самага поля. Проходя мимо него, Костя и Катя невольно остановились у его ограды и заглянули въ его глуби-

ну. Было что-то славное, манящее въ его прохладѣ и въ освѣщенной лампой стеклянной террасѣ дома, выходящей въ садъ. Отъ массы цвѣтовъ въ воздухѣ стоялъ густой ароматъ.

— Вотъ бы здѣсь пожить! сказалъ Костя.

— Точно въ сказкѣ о „Бѣлой розѣ“... проговорила и Катя.

Послышались шаги по лѣстницѣ и изъ освѣщенной стеклянной террасы съ веселымъ звонкимъ смѣхомъ выбѣжали двѣ дѣвочки. Одной изъ нихъ было лѣтъ семнадцать, а другая казалась ровесницей Катѣ. Костя и Катя притаились у рѣшетки парка.

— Отдай сюда мячъ! крикнула старшая и опять звонко засмѣялась.

— Ловите! отвѣтила младшая и изо всѣхъ силъ швырнула мячъ въ сторону Кати и Кости.

Онъ перелетѣлъ черезъ ограду и захлопалъ на одномъ мѣстѣ около Кости. Костя поднялъ его и поднесъ къ оградѣ.

— Ну, вотъ иди и ищи его сама! сказала старшая.

Такъ-же весело, какъ и начали, обѣ дѣвочки выбѣжали за ограду и стали присматриваться къ дорогѣ. Костя и Катя подошли къ нимъ.

— Вы не видали здѣсь нашего мячика? обратилась къ нимъ младшая дѣвочка, все еще не могшая почему-то удержаться отъ смѣха.

Дѣдушѣина сказка

Развалины древних построекъ въ Римѣ.

Костя подаль ей мячъ и приподнял шляпу.

— Мерси! сказала дѣвочка и сдѣлала ему реверансъ.

А затѣмъ она посмотрѣла на Катю. Глаза ихъ встрѣтились. Катѣ показалось въ сумеркахъ, что гдѣ-то она эту дѣвочку видала, но гдѣ и когда, она не могла-бы припомнить ни за что на свѣтѣ. Но что-то въ ея душѣ шевельнулось такое, что подсказало ей, что если-бы она познакомилась съ этой дѣвочкой, то подружилась-бы съ ней и сошлась-бы съ ней навсегда. Но въ это время хлопнула дверь на стеклянной террасѣ и въ ней показалась высокая дама, одѣтая во все бѣлое.

— Клара Ивановна! Рита! крикнула она.—Гдѣ вы? Идите пить чай!

Дѣвушки засмѣялись и, зашумѣвъ платьями, со всѣхъ ногъ побѣжали обратно въ паркъ.

Костя и Катя постояли еще немного, посмотрѣли имъ влѣдъ и отправились далѣе. Выходила полная, красная луна. Эта неожиданная встрѣча произвела на Костю впечатлѣніе. Онъ еще нѣсколько разъ оглянулся въ сторону парка и стараго дома и сказалъ: —

— Точно въ повѣсти Тургенева!

— Кого? спросила Катя

— Тургенева!

— А кто это такой?

Костя съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ на нее.

— Русскій писатель, отвѣтилъ

онъ.—Какая ты еще необразованная дѣвочка!

Они вернулись съ бабушкой поздно, въ десятомъ часу, когда было уже совсѣмъ темно. Катя скоро улеглась спать, а Костя еще долго думалъ о таинственномъ домѣ и паркѣ и о незнакомыхъ барышняхъ, которымъ онъ передалъ мячъ.

Черезъ день онъ уже уѣхалъ въ Харьковъ. Его проводили, усадили въ вагонъ, высказали ему тысячи пожеланій и горько и безутѣшно, затѣмъ поплакали, когда вернулись съ вокзала домой. Точно часть сердца оторвалась у всѣхъ съ его отъѣздомъ. Его комнатка такъ и осталась безъ него, какъ была при немъ, и бабушка стала часто приходить въ нее и долго и горячо молилась въ ней и ревниво берегла, чтобы каждая вещица въ ней, каждый карандашикъ оставались на своихъ мѣстахъ. Катя цѣлыя недѣли ходила, повѣсивъ носъ, не могла ни чѣмъ заняться и видимо тосковала. Все чаще и чаще стали слышаться въ домикѣ вздохи то самой бабушки, то Назаровны, то Дуняши. Костя писалъ изъ Харькова восторженные письма, въ которыхъ описывалъ университетъ, лекціи и профессоровъ и, казалось, вовсе не скучалъ о домикѣ съ голубыми воротами, а бабушка и Катя уже считали дни и часы, когда наступитъ Рождество и онъ вернется къ нимъ обратно.

Насталъ сентябрь, задули вѣтры и съ печальнымъ шумомъ стали обнажаться деревья. Стали опадать съ нихъ листья и цѣлые дни и ночи стучалъ въ окна дождь. Было хмуро въ природѣ и такъ-же хмуро было у бабушки на душѣ. Съ утра и до вечера Катя слонялась по комнатамъ безъ дѣла и теперь было ясно, какъ умѣлъ ее занять Костя и какъ не давалъ никому въ домѣ скучать. Катя часто плакала.

— Бабушка, мнѣ скучно! говорила она.

— Такъ займись чѣмъ нибудь! отвѣчала ей бабушка. — Почитай книжку или поиграй въ куклы!

Но Катя ничѣмъ не могла заняться одна.

— Нѣтъ, видно придется отдать ее въ гимназію! вздыхала бабушка. — Она уже выросла, ей нужны сверстницы, а мы — старые грибы — что ей за товарищи?

И послѣ долгихъ совѣщаній съ Назаровной и Дуняшей, Наталья Кирилловна наконецъ рѣшилась. Вставши однажды утромъ раньше обыкновеннаго, она разбудила Катю и собрала ее въ путь.

— Ну, Катерина — премудрая, обратилась она къ ней, — пей кофій да и пойдемъ!

— Куда? спросила Катя.

— Поступать въ гимназію!

Катя отъ радости захлопала въ ладоши.

Ее одѣли въ красненькое шер-

стяное платье съ черными горошинками и въ бѣлый передникъ и повели въ гимназію. Тамъ ее встрѣтили начальница и инспекторъ, у котораго наголо была выстрижена голова, и дали ей какую-то бумагу. Классная дама провела ее съ этой бумагой изъ класса въ классъ, отъ одной учительницы къ другой, каждая изъ нихъ сдѣлала ей экзамень и Катя поступила по годамъ въ первый классъ. Торжествующая, она прибѣжала домой изъ гимназіи и отправилась затѣмъ покупать книжки и тетрадки. Пришла потомъ модистка и, громко стуча на швейной машинѣ, стала шить ей форменное коричневое платье и черный передникъ. Катя примѣряла платье и чувствовала, какъ что-то внутри ея дрожало отъ радости.

Бабушка смотрѣла на нее, улыбалась и мысленно повторяла:—

— Слава Богу! Слава Богу!

А сама Катя примѣряла платье и все время думала о той дѣвочкѣ, рядомъ съ которой ее посадили въ классъ. Звали ее Маргаритой Леонтьевой. Она показалась ей знакомой, но въ то-же время Катя готова была утверждать, что не видала ее никогда.

„Гдѣ я ее встрѣчала?“ думала она.—„Кто она такая?“

А когда она легла спать и уснула, то событія дня, гимназія, учительницы и ученицы еще долго грезились ей во снѣ. **М. Б—скій.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

В Е С Н А!

Полдень. Жарко. Гдѣ-то слышенъ
Легкій шелестъ тополей,
Надъ семьей цвѣтущихъ вишенъ
Вьется съ гуломъ рой шмелей.

У воды пастухъ надъ ивой
Лапти съ пѣснею плететь
Солнце въ вѣткахъ ткѣтъ лѣниво
Золотистый переплеть.

Дремлетъ челнѣ подъ старымъ
кленомъ,

Спитъ прозрачная вода,
По крутымъ, зеленымъ склонамъ
Разбрелись кругомъ стада.

Понемногу жаръ спадаетъ,
Слышны пѣсни косарей,
Легкій вѣтеръ пробѣгаетъ
По верхамъ осокорей;

Потянулась надъ лѣсами
Тучекъ легкая гряда
И, звеня колокольцами,
Побрели домой стада.

Солнце сѣло и въ багрянцѣ
Гаснетъ неба полоса;

Рѣютъ мошки въ легкомъ танцѣ
И блеститъ уже роса.

Е. Оберучева.

КОЕ-ЧТО О НАСѢКОМЫХЪ.

Разсказъ муравья.

Я почувствовалъ желаніе жить и пошевельнулся. Какая-то пленка окутывала меня всего, такъ что мнѣ было очень тѣсно и душно. Тогда я сталъ ворочаться сильнѣе и вслѣдъ затѣмъ кто-то снаружи разорвалъ эту пленку и я услышалъ ласковый голосъ:—

— Выходи, выходи, мой милый!
Очень рады тебя видѣть.

Я былъ еще очень слабъ и лежалъ комочкомъ, согнувшись и поджавъ подъ себя ножки. Муравей-нянька, голосъ котораго я услышалъ, взялъ меня въ переднія лапки и куда-то понесъ.

— Пойдемъ на солнышко, сказала онъ.— Тамъ ты погрѣешься и подышешь чистымъ воздухомъ.

По длиннымъ, темнымъ корридорамъ онъ понесъ меня куда-то далеко наверхъ и скоро я почувствовалъ, какъ свѣжій вѣтерокъ пахнулъ мнѣ въ мордочку и полились на меня волны какого-то страннаго, мутнаго, бѣлаго свѣта.

— Няня, что это за свѣтъ? спросилъ я.

— Это свѣтитъ солнце, отвѣтила няня.— Благодаря его теплымъ лучамъ, на свѣтъ существуетъ все земное.

— Но почему-же его свѣтъ такой мутный?

— Онъ не мутный, но такъ ужъ устроены наши глаза, что мы видимъ хуже, чѣмъ птицы и звѣри. За то намъ даны сяжки, которыми мы оцупываемъ все, и обоняніе, которое помогаетъ намъ находить дорогу.

И няня пошевелила передо мною своими сяжками. Я тоже пошевелилъ своими — и вдругъ почувствовалъ, что ощущаю ими все: и форму предметовъ, и воздухъ, и тепло и даже мельчайшую пылинку, которую нашарилъ на лапкѣ няни.

Она посадила меня на самую вершину муравейника и сказала:— Грѣйся!

Пришли другія няни и принесли другихъ такихъ-же новорожденныхъ, какъ и я, и точно такъ-же грѣли ихъ на солнышкѣ.

— Няня, я ѣсть хочу! заплакалъ я, почувствовавъ голодъ.

— Сейчасъ, сейчасъ я дамъ тебѣ молочка! отвѣтила она и, взявъ меня въ переднія лапки, спустилась съ кучи и поднялась затѣмъ на кустъ.

Здѣсь, тѣсно прижавшись одна къ другой, находились маленькія, зелененькія травяныя тли.

— Это наши коровы, сказала няня.— Это нашъ скотный дворъ! Раскрывай скорѣе ротъ!

Я широко раскрылъ челюсти, она пожала сяжками одну изъ тлей и изъ нея вытекла свѣтлая капля.

— Глотай ее скорѣе, сказала няня.— Это молочко!

Я проглотилъ капельку и она показалась мнѣ очень сладкой и ароматной.

— Еще, еще! закричалъ я.

Няня пожала сяжками другую, третью тлю и скоро я былъ совершенно сытъ. Тогда она отнесла меня обратно внутрь муравейника и уложила меня спать. Все время она оставалась при мнѣ и кормила и ласкала меня до тѣхъ поръ, пока я не выросъ наконецъ большимъ. Когда-же я сталъ взрослымъ муравьемъ, то она оставила меня и ушла. вмѣсто нея ко мнѣ подошелъ какой-то старый муравей, къ которому всѣ относились очень почтительно, и строго сказалъ:—

— Долго еще ты будешь сидѣть безъ дѣла? Изволь сейчасъ-же приниматься за работу!

Я указаль ему на ползавшихъ между нами другихъ, крылатыхъ муравьевъ, которые ничего не дѣлали и только ѣли, и отвѣтилъ: —

— Не работаютъ-же эти крылатые муравьи!.. Зачѣмъ-же ты заставляешь работать меня?

Тогда старій муравей обидѣлся, подскочилъ ко мнѣ и больно укусилъ меня за лапку.

— Прошу не разсуждать! крикнулъ онъ.—Крылатые муравьи—это наши родители, а ты родился безъ крыльевъ, значить ты рабъ, и долженъ трудиться и повиноваться, какъ и всѣ!

Я покорно отправился на работу. Мы расширяли нашъ муравейникъ, работа повсюду кипѣла. Тысячи муравьевъ рыли землю, таскали прутики, камушки и сухія еловые и сосновые иглы и подпирали ими своды и насыпи. Я тотчасъ-же увлекся работой и позабылъ даже о себѣ. Мы проводили узенькіе корридоры, расширяли ихъ затѣмъ въ большія комнаты, проводили изъ нихъ ходы далѣе и наконецъ всѣ ходы соединили въ одной или въ двухъ большихъ залахъ, въ которыхъ должны были потомъ сообщаться всѣ наши муравьи. Мы рыли затѣмъ кладовыя для съѣстныхъ припасовъ и помѣщенія, которыя предназначались руководившими нами нашими инженерами для складки и хранения нашихъ личинокъ. Было за-

бавно смотрѣть, какъ кто-нибудь изъ моихъ товарищей обхватывалъ передними лапками громадную дубину и втаскивалъ ее на самую вершину муравейника. Кто-нибудь изъ насъ тотчасъ-же подбѣгалъ къ нему и начиналъ ему помогать. Только и слышалось повсюду, что дружное „у-у-у!“ да „о-о-о!“

Мы работали уже давно. Солнце припекало насъ, намъ давно ужъ хотѣлось ѣсть и пить, но безъ разрѣшенія старшихъ мы не смѣли бросить работы и уйти. Какъ вдругъ мы увидали около себя толпу нашихъ товарищей, которые оставались дома и не выходили на работы.

— Эй, ребяташки! крикнули они намъ.—Пора отдохнуть! Прервите-ка на минутку работу и идите сюда поѣсть!

Я оглянулся и увидалъ, что они принесли намъ поѣсть. Съ какою жадностью я набросился на ѣду! Я взялъ пищу отъ одного муравья, потомъ отъ другого и съѣлъ все, что они принесли. Это были кусочки ягодъ, сердцевинки цвѣтовъ и сахаристыя вещества.

— Ъшь, ѣшь, говорили они мнѣ.—Мы принесемъ еще!

Пообѣдавъ, мы снова принялись за работу. Намъ приказано было сдвинуть съ мѣста большой камешекъ, мѣшавшій нашимъ работамъ. Не будучи въ силахъ стащить его, мы стали подкапывать

подъ нимъ землю, онъ не сдержался и, сорвавшись, покатился внизъ. Мы всѣ разступились.

— Ой-ой-ой! слышались вдругъ чьи-то стоны.— Батюшки, какъ мнѣ больно!

Мы бросились на крики и увидели, что катившимся камнемъ помяло нашего товарища.

— Доктора! Доктора! закричали мы.

Двое изъ насъ подбѣжали къ пострадавшему, схватили его спереди и сзади и отнесли къ стонкѣ. Двое другихъ побѣжали за докторомъ. Скоро онъ явился, вылилъ ему въ ротъ изъ своего рта какую-то жидкость и приказалъ унести больного внизъ.

Къ вечеру я такъ усталъ, что не могъ двинуть ни однимъ членомъ. Я тутъ-же, гдѣ работалъ, легъ на спину и задрыгалъ ногами. Тоже сдѣлали и другіе молодые муравьи, не привыкшіе еще работать. Тогда къ намъ подошли старшіе муравьи взвалили насъ къ себѣ на плечи и потащили насъ въ муравейникъ.

— Всѣ мы братья, сказали они, и должны помогать другъ другу!

На другой день и затѣмъ цѣлую недѣлю шелъ проливной дождь. Мы не любимъ сырости и все это время просидѣли внутри муравейника и проскучали, плотно закрывавъ въ немъ всѣ входы и выходы. Хотѣлось опять работать, но было нельзя.

Въ это время я замѣтилъ какое-то странное безпокойство у нашихъ крылатыхъ муравьевъ. Они никогда не вылѣзали наружу и всегда жили глубоко внутри и пользовались всеобщимъ почетомъ. Всѣ мы почтительно разступались передъ ними и готовы были-бы положить за нихъ свои головы. Теперь они быстро ползали взадъ и впередъ, стрекотали крыльями и просились къ выходу.

— Чего они хотятъ? спросилъ я у стараго, безкрылаго рабочаго муравья.

— Одинъ только день въ году, отвѣчалъ онъ,—наши родители вылетаютъ на воздухъ и затѣмъ возвращаются назадъ.— Этотъ день сегодня наступилъ. Но сегодня идетъ дождь и это ихъ безпокоитъ.

Къ вечеру прояснилось и выглянуло солнце. Всѣ крылатые муравьи вылетѣли наружу, мы тоже выползли наверхъ и долго видѣли ихъ затѣмъ, какъ они мелькали крыльями на солнцѣ и толклись въ воздухѣ кучей, на одномъ мѣстѣ. Полетавъ, часть изъ нихъ возвратилась, а другая часть умерла и упала на землю. Слетѣвшіяся птицы поклевали ихъ. Тѣ-же крылатые муравьи, которые возвратились, были встрѣчены нами съ восторгомъ. Мы стали ихъ ласкать, обтирать ихъ и съ почетомъ провели ихъ затѣмъ внизъ въ ихъ постоянныя помѣщенія.

— Обрѣжьте у насъ крылья,

сказали они намъ съ грустью въ голосъ.—Мы полетали немного и больше уже никогда не должны выходить изъ гнѣзда.

летанія изъ гнѣзда. Жалкія, кургузья, онѣ стали ползать затѣмъ по муравейнику и класть на ходу маленькія, крошечныя яички. За

Гнѣздо муравьевъ (въ разрѣзѣ).

Вышли впередъ старыя безкрылыя муравьи и отгрызли у нихъ крылья. Этимъ закончился для нашихъ властительницъ обрядъ вы-

каждой изъ нихъ слѣдовала цѣлая свита нянекъ, которыя подбирали эти яички и бережно относили ихъ въ дѣтскія и складыва-

ли тамъ въ кучки близко одно къ другому. Все это меня ужасно занимало.

Черезъ 15 дней изъ яичекъ вы-

ній, чистили ихъ и содержали въ опрятности, гладили ихъ сѣжками и ласково растирали имъ кожу. Каждый день онѣ выносили

Сраженіе муравьевъ.

(Наверху, слѣва, лежатъ рядами раненные).

лупились личинки. Тотчасъ-же ихъ окружили кормилицы и начали ихъ воспитывать. Онѣ кормили ихъ молочкомъ и пылью расте-

ихъ на воздухъ и грѣли ихъ на солнышкѣ. Благодаря ихъ заботамъ, личинки росли не по днямъ, а по часамъ и скоро завернулись въ

коконы и погрузились въ покой— няньки зорко наблюдали за этими коконами и, когда приходила пора, то онѣ разрывали коконы и изъ нихъ выползали маленькіе, молоденькіе муравьи.

Такъ появился на свѣтъ и я. И всякій разъ какъ изъ кокона выползаль молоденькій муравей, няньки подбѣгали къ нему, осматривали его и радостно восклицали:—

— Крылатый! Какое счастье! Теперь у насъ будутъ рождаться отъ него и другіе! Или:

— Безкрылый! Какъ это хорошо! Теперь однимъ честнымъ работникомъ будетъ у насъ больше!

Невдалекѣ отъ нашего муравейника находился заборъ, сквозь который была видна чья то усадьба. Посреди двора стояла красивая дача и ее окружали надворныя постройки. Однажды къ намъ прибѣжалъ нашъ товарищъ, возвратившійся откуда-то издалека, и отъ усталости упалъ на спину и задрыгалъ ногами. Мы всѣ бросились къ нему и помогли ему встать.

— Гдѣ ты былъ? спросили мы его.

— Охъ, ужъ и не спрашивайте! отвѣтилъ онъ.—Просто и не зналъ, какъ вернуться домой. Нѣсколько разъ заблудился, насилу нашель дорогу назадъ!..

— Да гдѣ ты былъ?

— Бѣгалъ въ усадьбу!.. Ахъ, братцы, если-бы вы только знали,

сколько тамъ у человѣка въ буфетѣ сахару! Я заползаль въ самый домъ, залѣзаль въ буфетъ и пробоваль тотъ сахаръ!

И онъ разсказаль намъ все. Насъ разбирали завидки.

— Надо попробовать и намъ! рѣшили мы.—Чѣмъ мы хуже тебя!

И мы отиравились въ далекій путь. Впереди насъ ползъ возвратившійся и успѣвшій уже отдохнуть нашъ товарищъ и отыскиваль дорогу по запаху. Возвращаясь обратно, онъ прыскаль по пути особой жидкостью и теперь по ея запаху старался найти дорогу. Такъ мы можемъ найти дорогу къ нашему муравейнику за нѣсколько верстъ.

— Прыскайте! Прыскайте! говорилъ онъ намъ. — Легче будетъ возвратиться назадъ.

Мы прыскали и пробирались все впередъ и впередъ.

Но вотъ уже и усадьба, вотъ ужъ и домъ. Мы вползли въ него всѣ гуськомъ и проникли въ буфетъ. Батюшки — свѣты, сколько мы нашли тамъ сахару! Мы тотчасъ принялись глотать его своими крѣпкими челюстями, наѣлись сами и понесли сахаръ къ себѣ домой. Два или три раза мы ходили на дачу и возвращались назадъ и кончилось дѣло тѣмъ, что въ сахарницѣ не осталось ни единого куска. Весь нашъ муравейникъ былъ доволенъ.

— Ай, да молодцы! говорили

намъ старики. — Вотъ такъ храбрые ребята!

Вѣроятно, человекъ обидѣлся на насъ, потому что, когда мы приползли въ его домъ на слѣдующій день, то увидѣли сахарницу уже не въ буфетѣ, а на столѣ. Она стояла въ большомъ тазу съ водой и проникнуть въ нее теперь было уже невозможно. Мы повертѣлись около нея и не знали, что дѣлать.

— Ага, голубчики! раздался вдругъ голосъ человека. — Теперь уже не можете? Я не позволю вамъ больше воровать!

Тогда нѣкоторые изъ насъ, самыя отчаянныя головы, не обратили вниманія на его слова, сползли со стола на полъ, подползли къ стѣнѣ, взобрались по стѣнѣ на потолокъ и упали оттуда прямо въ самую сахарницу. Наѣвшись тамъ сахару до отвала, они собрались было идти домой, но каково-же было ихъ удивленіе, когда они увидели себя окруженными со всѣхъ сторонъ водой.

— Спасите! Помогите! закричали они намъ.

Но что мы могли сдѣлать, стоя у края таза, наполненнаго водой, и только слыша ихъ отчаянные вопли изъ сахарницы.

— Бросайтесь вплавь! крикнули мы имъ. — Больше ничего не остается дѣлать!

Они бросились въ воду и поплыли къ намъ.

— Карауль! Погибаемъ! скоро услышали мы ихъ отчаянные вопли. — Спасите!

И они забарахтались въ водѣ. Мы поняли тогда, что они тонуть, и принялись имъ помогать, кто чѣмъ могъ. Одни устремились къ нимъ вплавь, другіе съ берега стали вытаскивать ихъ изъ воды, а третьи — бросали имъ въ воду листочки бумаги, валявшіеся на столѣ, и крошки. Въ результатъ — изъ 12-ти смѣльчаковъ только четверо спаслись сами и выплыли изъ таза, четверыхъ другихъ мы спасли и послѣ долгаго растиранія привели ихъ въ чувство, а четверо третьихъ утонули. Какъ мы ни бились съ ними, такъ и не могли возвратить ихъ къ жизни. Затѣмъ мы отправились домой. Одни утопленники ползли сами, другимъ мы помогали идти, а третьихъ — покойниковъ — ввалили къ себѣ на плечи и, принесли ихъ въ муравейникъ. Здѣсь мы снесли ихъ въ самый низъ и похоронили ихъ въ землю.

Кончилось лѣто, наступила глубокая осень и всѣ мы заснули крѣпкимъ, глубокимъ сномъ. До самой весны мы не шевелились, не видѣли никакихъ сновидѣній и ничего не ѣли и было похоже на то, будто весь нашъ муравейникъ умеръ. Но едва только настала весна, едва только сбѣжалъ снѣгъ и стало пригрѣвать солнышко, какъ всѣ мы пришли въ

себя, закопошились и снова принялись за трудъ. Намъ предстояло много работы. Осенними дождями и таявшимъ снѣгомъ размыло нашъ муравейникъ и намъ нужно было его поскорѣ поправлять, проводить дороги, дѣлать насыпи и устанавливать подпорки. За массой труда намъ некогда было вздохнуть.

Первая весенняя гроза окончилась для насъ бѣдою. Прошелъ ужасный ливень, какого не запомнилъ-бы даже и человѣкъ. Откуда-то сбоку на насъ понесся дикій потокъ, который смылъ всѣ надземныя устройства нашего гнѣзда и унесъ съ собою. Сотни изъ насъ погибли въ водѣ. Мы всѣ забились въ нашихъ помѣщеніяхъ подъ землю и въ страхѣ ожидали, когда окончится гроза. Но вода стала протекать къ намъ внизъ и грозила гибелью намъ всѣмъ.

— Скорѣе! Скорѣе! замахали намъ сѣжками старики. — Хватайте скорѣе самокъ на плечи и спасайте ихъ! Берите скорѣе каждый по личинкѣ и по кокону и уносите ихъ отъ бѣды!

Мы бросились къ тѣмъ, кто былъ для насъ дороже насъ самихъ, т. е. къ нашимъ женщинамъ и дѣтямъ, схватили ихъ, захватили также нашихъ слабыхъ и больныхъ товарищей и вмѣстѣ съ ними кинулись бѣжать отъ бѣды въ другое мѣсто. Что это былъ для насъ за тяжелый, страдальческій путь! Насъ

сдувало вѣтромъ, сносило водой, но мы твердо шли къ намѣченной цѣли и наконецъ достигли без опаснаго мѣста.

— Построемся здѣсь! сказали старики.

Окончился дождь, засвѣтило солнце и мы съ ревностью принялись за устройство себѣ новаго гнѣзда. Черезъ три дня оно было уже совсѣмъ готово, мы помѣстили въ его нѣдра нашихъ самокъ и молодежь, а сами еще долго провозились надъ окончательнымъ устройствомъ надземныхъ помѣщеній. Это новое гнѣздо вышло у насъ лучше и уютнѣе, чѣмъ прежнее. Оно было просторнѣе и въ немъ мы сдѣлали отличную вентиляцію. Затѣмъ мы стали собирать травяныхъ тлей, устроили изъ нихъ на ближайшемъ кустикѣ большой скотный дворъ и наши няньки стали ходить въ него, доить ихъ и кормить ихъ молочкомъ нашихъ новорожденныхъ муравьевъ.

Однажды утромъ, отправившись на скотный дворъ, наши няньки не нашли тамъ ни одной нашей тли. Гдѣ онѣ? Куда онѣ могли дѣваться? И вдругъ прибѣжалъ одинъ изъ нашихъ товарищей и сообщилъ намъ, что какіе-то чужіе муравьи изъ сосѣдняго муравейника забрались къ намъ ночью и украли нашихъ тлей. Это задѣло насъ за живое.

— Какъ? закричали мы. — Воровать? И у сосѣдей! Объявить имъ войну!

— Войну! Войну! закричали другіе.

— Отмстимъ имъ за обиду! закричали третьи.— Не дадимъ имъ пощады!

Но въ это время мы замѣтили, что тысячи этихъ самыхъ чужихъ муравьевъ уже идутъ походомъ на нашъ муравейникъ и грозятся взять насъ въ плѣнъ.

— Убирайтесь отсюда! закричали они намъ.— Вы поселились въ нашихъ мѣстахъ и берете себѣ нашихъ тлей! Мы отобрали сегодня ихъ у васъ и васъ самихъ заберемъ сейчасъ къ себѣ въ плѣнъ. Сдавайтесь!

Мы не стерпѣли и приготовились дать отпоръ. Выбѣжали наши офицеры и стали готовить насъ къ сраженію. Другіе изъ насъ побѣждали внизъ предупредить оставшихся тамъ муравьевъ и спрятать подалеже самокъ и личинокъ. По дорогѣ они толкали каждого встрѣчнаго сяжками и объясняли имъ, въ чемъ дѣло. Затѣмъ у каждого входа было поставлено по часовому и — мы приготовились встрѣтить непріятеля.

— Смѣлѣе! ободряли насъ офицеры. — Умремъ за родной муравейникъ!

Враги бросились на насъ и мы встрѣтили ихъ грудью.

— Бей ихъ! скомандовали намъ наши офицеры. — Не давайте имъ пощады!

Началось сраженіе. Каждый изъ

насъ бросился на врага и, схватившись съ нимъ, вступалъ съ нимъ въ единоборство. Мы все раздѣлились на пары. Каждый изъ насъ старался подмять врага подъ себя и загрызть его крѣпкими челюстями. Если кто-нибудь изъ насъ ослабѣвалъ, то къ нему подоспѣвали на помощь другіе и выручали его изъ бѣды. Тутъ-же ходили санитары, которые брали раненыхъ и относили ихъ наверхъ и клали ихъ рядкомъ. Бѣдняжки, они безпомощно лежали на спинкахъ и шевелили лапками, а врачи откусывали имъ поврежденные члены и вливали имъ въ рты изъ своихъ ртовъ цѣлебную жидкость. Убитыхъ мы сносили внизъ и передавали ихъ тамъ нянькамъ для преданія землѣ.

Цѣлый часъ продолжалось сраженіе и наконецъ мы побѣдили. Нѣсколько тысячъ враговъ сдалось намъ въ плѣнъ и мы ввели ихъ въ свой муравейникъ.

— Вы будете теперь жить у насъ! сказали мы имъ, — и будете на насъ работать! Теперь вы наши рабы!

Они обрадовались этому и тотчасъ-же, точно вѣкъ жили у насъ и родились въ нашемъ муравейникѣ, принялись за работы. Они даже и не выказывали ни малѣйшаго желанія бѣжать и, часъ спустя, были уже преданнѣйшими нашими рабами. Они радовались нашимъ успѣхамъ, горевали на-

шимъ горемъ и не проходило за-тѣмъ ни малѣйшаго случая въ нашемъ муравейникѣ, въ которомъ бы они не принимали равнаго съ нами участія. Всѣхъ плѣнныхъ у насъ было вдвое болѣе, чѣмъ насъ, природныхъ жителей муравейника, но всѣ они были намъ вѣрны, ходили съ нами въ походъ на другіе муравейники и ни разу намъ не измѣнили. Но когда однажды, оставивъ ихъ дома однихъ охранять нашихъ самокъ и молодежь, мы отправились въ походъ и возвратились домой побѣжденными, то они такъ оскорбились этимъ, что бросились на насъ и стали насъ кусать.

— А мы думали, что вы непобѣдимы! съ горечью говорили они намъ.

Но когда въ слѣдующій разъ мы вернулись съ похода побѣдителями и принесли въ видѣ военной добычи чужихъ куколокъ и личинокъ, то они такъ намъ обрадовались, что устроили намъ шумную и восторженную встрѣчу.

— Bravo! кричали они. — Ура! Привѣтъ непобѣдимымъ!

Въ такой дѣятельной жизни проходили для насъ дни за днями,

недѣли за недѣлями и годы за годами. Мы любили свой муравейникъ, готовы были умереть за него, сражались за его славу и честь, берегли нашихъ женщинъ и дѣтей и помогали другъ другу. Ни одной минуты мы не оставались безъ дѣла и создавали громадныя муравейники, въ которыхъ жили цѣлыя десятки тысячъ муравьевъ. Каждый изъ насъ имѣлъ только одну цѣль въ жизни—это общее благо и счастье другихъ, и трудился, не покладая рукъ. И я съ гордостью вспоминаю теперь ту фразу, которую сказалъ однажды одинъ человѣкъ, указавъ своему маленькому сыну на нашъ муравейникъ. Они гуляли по лѣсу, собирали грибы и нечаянно набрали на насъ. Человѣкъ подвелъ своего сына близко къ муравейнику и серьезно сказалъ:—

— Муравьи—это маленькіе люди среди насѣкомыхъ. Во многихъ случаяхъ жизни не мѣшало-бы намъ, людямъ, брать съ нихъ примѣръ!

Я услышалъ эти его слова и передалъ ихъ своимъ товарищамъ. Они выслушали меня и, гордые собой, снова принялись за работу.

С. Вершининъ.

Редакція помѣщаетъ фамиліи *всѣхъ* подписчиковъ, приславшихъ ей вѣрныя рѣшенія ребусовъ и головоломокъ, по мѣрѣ полученія этихъ рѣшеній и въ зависимости отъ предстоящаго выхода въ свѣтъ ближайшаго номера

журнала. Такимъ образомъ среди лицъ, фамиліи которыхъ здѣсь напечатаны, есть и подписчики, приславшіе рѣшенія ребусовъ и головоломокъ, помѣщенныхъ и въ предыдущихъ номерахъ.

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Негръ съѣлъ своихъ родныхъ отца и мать. Кѣмъ онъ сталъ?

II.

Отчего собака не можетъ взлетѣть на воздухъ?

III.

Названіе какихъ вкусныхъ предметовъ и фруктовъ находятся въ слѣдующихъ фразахъ:

1) Каждого человѣка избавляетъ отъ напасти ласка и доброта, съ какими онъ самъ относится къ другимъ.

2) Хвалили только васъ, а на насъ никто даже и не обращалъ вниманія.

3) Налетѣвшимъ ураганомъ многое переломало и у нашего со-

сѣда Макара мельница осталась безъ крыльевъ.

4) Охотникъ выстрѣлилъ, попалъ звѣрю въ плечо и бѣдному тигру шагать стало невозможно.

5) Кафтанъ сталъ такъ плохъ, что на немъ вездѣ появились прорѣхи.

6) Вчера рыбаки поймали налима.

7) Прасковья сдѣлала гряды и сажала въ нихъ крупные клубни картофеля.

8) Женщины доили коровъ и сливали молоко въ одинъ сосудъ.

IV.

Какое сходство между шляпой, деревней и бумагой?

V.

Изъ чего состоитъ телѣга?

Рѣшите головоломки и ребуса № 10, помѣщенные въ № 10 «Золотого Дѣтства».

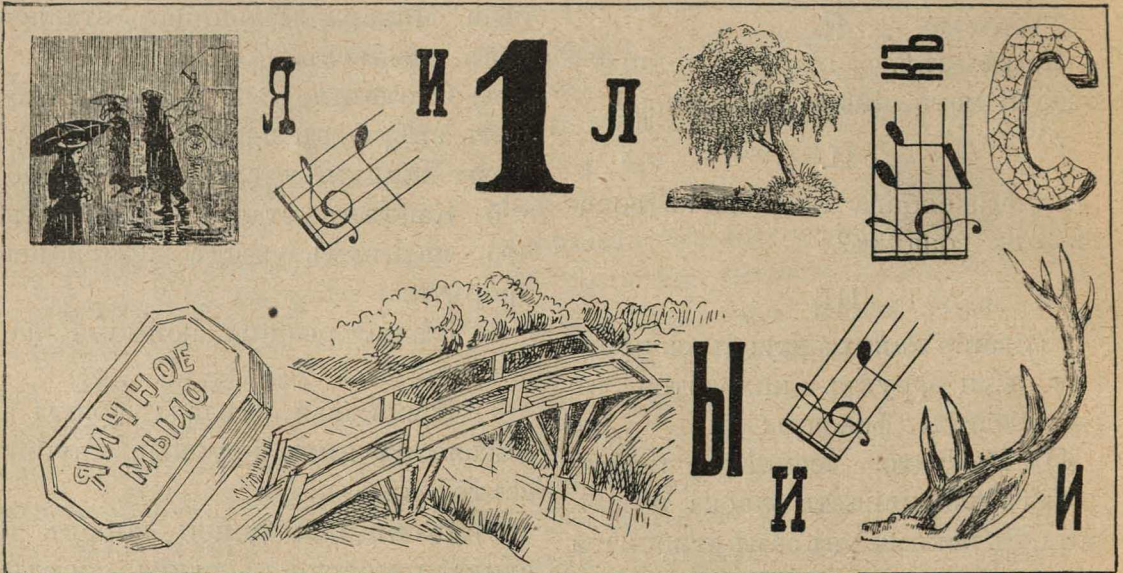
Головоломки: I. Когда они отправились по росписанію (шутка). II., Вдвое болѣе, чѣмъ посовъ. III., На каменномъ или деревянномъ. VI., Отъ берега къ берегу. V., За стѣнами. VI., Поваръ и товаръ.

Ребусъ № 10: М+воги+ель+ѣ+томъ+въ+ +сто+лица+хъ+часъ+тос+куча+ють+п+ +очи+с+томъ+возъ+духъ+ѣ.—Многіе лѣтомъ въ столицахъ часто эжучаютъ по чистомъ воздуху.

Вѣрные рѣшенія прислали: Вѣра Овчаренко, Лена Зейффертъ и Анна Клементьевна, Шура Маноли, Александръ Глыбовскій, Лидочка, Фаночка и Левъ Яковлевы, Паша Ткаченко, Михайль Витковскій, Лена Костеничь, Лена, Зина и Нюра Коноплевы, Шура и Володя Фомины, Зоя и Ида Свѣтъ, Володя Морозовъ, Люся Кри-

венко, Николай Миллеръ, Сова и Ваня Семкины, Володя Редаръ, Фима Левинъ, Сережа Соболевскій, Костя Конюковъ, Кто-то безъ подписи изъ Глухова, Коля и Ваня Бѣльченко, Елена и Леля Думаревскія, Аня Крымъ, Оля и Боря Тихомировы, Теофилактъ Яковлевъ, Димочка Трещенковъ, Женя Жмиренко, Музгарко и Нина Зайцева, Маня Тюльпанова, Роба Каверъ, Тая и Фрида изъ Шарафѣвки, Юля Эрманъ, Ира Венертъ, Геня и Нона Церетели, Пава Алексѣевъ, Нина Шкурко, Нина и Юра, Горѣловы, Тоня Сереметь, Гога Огаревъ, Ляля и Гугу Сурины, Маруся Макаревичъ, Витя Преображенскій, Руфочка Андерсонъ, Шура и Слава Волковы, Сережа Стратоновичъ, Коля и Сережа Павловы изъ Харькова, Клава Маня и Моря изъ Сариновки, Маруся Воронова Валя, Шура и Миша Ковановы, Ученицы Угловской женской школы: Зоя, Тоня, Настя и Куша. Тася и Катя Глазуновы. Витя Ланевскій, Кат-

Ребусъ № 12.

(Фамиліи подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ ребусъ или головоломки, будутъ напечатаны).

руся Опешко, К. Гладиловъ-Кавецкій, Коля и Тамара Шишмаревы, Люба Бубошка и Ида Кукешка, Ваня, и Саша Шрамъ, Гаисія и Валерій Бирюковичи, Галичка Жинкина, Лидочка и Нонночка Пузыревы. Миля Хавжа, Георгій Сидоровичъ, Котикъ и Женичка Клаучъ. Ника Романовскій изъ Гельсингфорса, Клодикъ Шапичъ, Петръ Яхлаковъ, Женья Красильниковъ, Женья и Боба Бончъ-Вруевичъ, Лидочка Юдина, Геня и Пегя Кузнецовы, Надя и Вася Бакулины, Чижикъ Матѣева, Антолина Балашова,

Михаилъ Брамсонъ, Борисъ Приходько, Володя и Соня Щепукъ, Леонардъ и Эдгаръ фонъ-Рихтеръ, Вадимъ Дурново, Николай Молвыгинъ, Коля, Павлуша, и Надя Шабалкины, Оскаръ Иссерлинъ, Андриша Соболевъ, Соня Кирсанова, Лея Михайлова, Галина Русиловичъ, Валя изъ Ростова-на-Дону, Тина и Аля Мануйловы, Елена Кириери, Афанасій Кириери, Дося Яковлевъ, Шура и мама Вѣловы, Гали Мышка.

(Продолженіе въ слѣдующемъ №).

Очень рекомендуется! новая книга для дѣтей: **Цѣна 40 коп.** Съ пересылкой 55 коп.

„ДРУЖОКЪ и ТООМКА“.

Повѣсть съ иллюстраціями.

Выписывать изъ Редакціи Журнала «Золотое Дѣтство».

С.-Петербургъ Каменноостровскій, 26

Книга эта будетъ прочтена дѣтьми съ захватывающимъ интересомъ.

NO. 10000
MAY 10 1900
NEW YORK

Годъ изданія шестой.

**ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на**

**художественно-литературный журналъ
для дѣтей (7—12 лѣтъ)**

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ) подъ редакціей М. П. Чехова.

При каждомъ номерѣ приложенія: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно подобранное содержаніе «Золотого Дѣтства».

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

- 24** НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.
- 24** ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (игры, домики, научныя развлечения и проч. и проч.).
- 12** ВЪРЪЗНЫХЪ ВЫКРОЕКЪ ДЛЯ ДѢТСКИХЪ КОСТЮМОВЪ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.

Книгу „АНГЛІЙСКІЯ СКАЗКИ“.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:
на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается для иногороднихъ подписчиковъ въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», С.-Петербургъ, Каменноостровский проспектъ, 26 и для городскихъ подписчиковъ въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга.

3 р. 80 к. 32

За перемѣну адреса—28 коп. почтовыми марками.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Лучшій подарокъ для дѣтей.

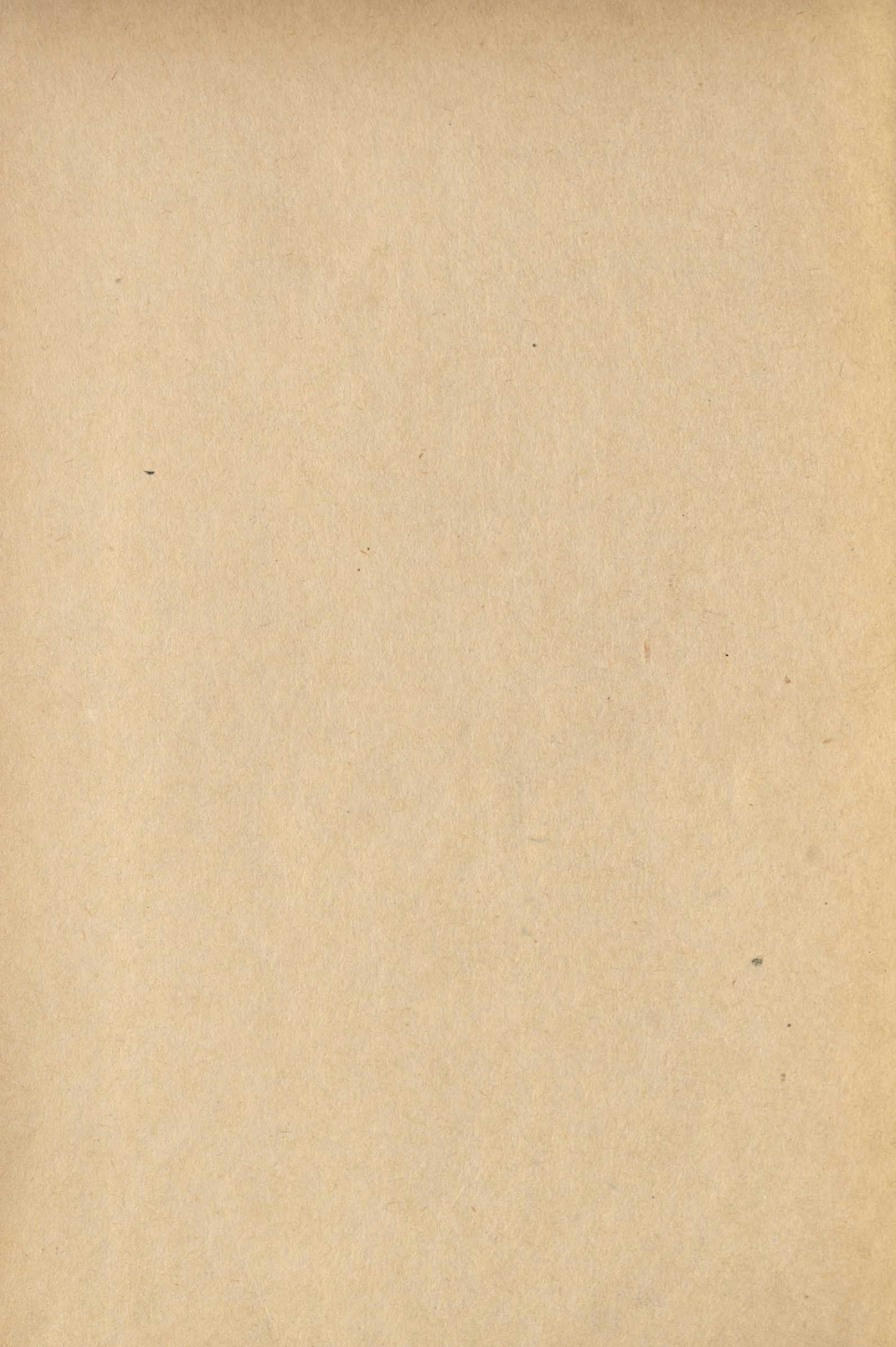
«ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО» за истекшій годъ со всѣми приложеніями въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ по 3 руб. 65 к. за экз.; безъ переплета—по три рубля за экз. За пересылку по разстоянію. (Въ Европейской Россіи и на Кавказѣ — по 45 коп. за экземпляръ).

Высылается наложеннымъ платежомъ. Можно выписывать открытымъ письмомъ изъ редакціи „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

С.-Петербургъ, Каменноостровский просп., 26. Продается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга.

✓

